

A woman with long dark hair, wearing a long white dress, stands on a rocky outcrop overlooking a river. In the background, a large, glowing planet with a blue and orange surface is visible in a sky filled with white clouds. The landscape is lush with greenery and ancient-looking structures.

Светлана Подклетнова

Игры Вселенной

Начало

Светлана Подклетнова
Игры Вселенной: Начало
Серия «Игры Вселенной», книга 1

<https://litres.ru/70629304>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хотели бы вы, чтобы вас заметили высшие силы? Мой вам совет – даже не смейте об этом мечтать! Я была крайне неосторожна в своих желаниях и чересчур смела в своих амбициях. Меня заметили. Теперь я – игрушка в их руках, разменная пешка в игре сил Света и Тьмы. Смогу ли я выбраться из их цепких лап, или моей судьбой станет покорное повиновение тем, кто считает меня пустым местом, а мою жизнь – ненужным хламом? Ну что же, я тоже способна начать свою игру...

Содержание

Предисловие	4
Часть I. Амнезия	17
Глава 1. Знакомство	17
Глава 2. Сон	38
Глава 3. Разгадка	53
Глава 4. Гость в чужом мире	78
Глава 5. Непредвиденные события	96
Глава 6. Воспоминания о грядущем	115
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Светлана Подклетнова

Игры Вселенной: Начало

Предисловие

Рабочий день подошёл к концу. Несмотря на непонятную тревогу, с самого утра поселившуюся где-то глубоко внутри, мне было удивительно легко и весело. Видимо, оказывало влияние ожидание заслуженного отдыха после казавшегося бесконечным рабочего времени. Но всё же что-то не давало покоя моей душе. Возможно ли, что существует нечто неучтённое, то, что способно во время моего отсутствия оказать влияние на строго выверенный механизм? Нет, вряд ли. Система работает долгие годы, и ни разу не дала сбой. Скорее всего, это обычная паника. Ведь я так давно не позволяла себе отлучиться даже на один день. Решение покинуть город на два выходных дня созрело спонтанно. Оно посетило меня после непродолжительного разговора с одним из моих помощников, который настоятельно рекомендовал мне по-настоящему хороший отдых. Он так страстно уверял меня, что я уже давно заслужила возможность расслабиться, так убеждённо говорил, что мне необходимо хотя бы на пару дней отвлечься от рабочих проблем, что я просто обязана была поддаться на его уговоры. Вспомнив, с каким напором Михаил

Викторович пытался доказать мне необходимость небольшого отпуска, я не удержалась от улыбки. Всё же приятно, когда рядом есть кто-то, кого так сильно заботит моё душевное состояние. Хотя, казалось бы, с чего он так внезапно начал думать обо мне? Раньше я не замечала за ним подобного рвения. Какая-то мысль вновь предупредительным колокольчиком тронула струны моей души. Я даже замерла на секунду, попробовав проанализировать действия коллеги, но потом резко тряхнула головой. Нет! Невозможно! Я, наверное, действительно слишком много работаю. Сейчас закончу последние дела перед выходными и отправлюсь домой. Нужно будет ещё кое-что приготовить в дорогу.

Я осмотрелась, ненадолго прощаясь с местом, которое стало для меня намного ближе собственного дома. Практически всё моё время проходит именно здесь. Это происходит уже так долго, что было бы немудрено забыть о том, когда всё это началось. Много часов... Много дней... Много лет... Наверное, слишком долго. Я обустроиваю всё здесь так, чтобы мне было наиболее комфортно, постоянно изменяя своё рабочее место, порою, даже до неузнаваемости. И сейчас мой кабинет оборудован строго в соответствии с моим сегодняшним вкусом. Высокие стеклянные окна открывают великолепный вид на темнеющее небо, на котором уже появились первые звёзды. Зеркальные дверцы встроенных шкафов создают впечатление необъятного пространства. На стереографическом полу, изображающем мраморные плиты, находя-

щиеся на глубине метра под неподвижной гладью воды, стоят столы из небьющегося стекла. В довершение всему с высокого потолка, на котором воссоздавалась картина морского дна, свешиваются искусственные растения, похожие на водоросли, сияющие точечными звёздочками-светильниками, даря окружающему пространству рассеянный свет, не позволяющий отбрасывать тени.

Я включила стереомонитор, чтобы понаблюдать за происходящим в вестибюле корпорации. Мне не хотелось выходить, пока толпа сотрудников не поредеет. Я слишком устала, чтобы улыбаться, встречаться взглядом, говорить никому не нужные комплементы, поддерживать, сопереживать. Мне хотелось хоть немного побыть одной. Посреди комнаты, прямо на одном из стеклянных столов, как на картинке, разворачивалось действие, которое можно было увидеть на нижнем этаже здания. Один за другим корпорацию покидали её сотрудники. Все были приятно возбуждены в предвкушении выходного. Подождав, пока вестибюль опустеет, я зашла в допотопный лифт, вход в который закрывала одна из зеркальных дверей шкафов. Сегодня мне не хотелось пользоваться перемещателем.

Я решила немного пройтись пешком по пустынным улицам корпоративного городка. Эта весна была холодной, но именно сегодняшней день подарил миру первое весеннее тепло. Подходящее к горизонту солнце ласково согревало своими лучами, и впервые за последние полгода не появля-

ется необходимость даже в плаще. Такая погода принесла мне прекрасное настроение и небольшую ностальгию по детству. В вестибюле я заметила Михаила Викторовича, весело беседующего с одним из сотрудников пятого уровня. Когда он успел прийти? Помнится, на мониторе его не было. Снова предательская мысль тёмной тенью проникла в мою голову, неприятно кольнув и заставив глубже вздохнуть, изгоняя посетившую жуткую идею. Я тихо усмехнулась. Нельзя же каждое благое намерение кого-то из своего окружения рассматривать как нечто, могущее создать опасную ситуацию! Наверное, я просто отвыкла от того, что кто-то может проявлять заботу лично обо мне, да ещё по собственной инициативе. Я снова взглянула на своего помощника. Пока он ещё не заметил моего приближения, как и не отметил моего внимания к своей персоне.

Михаил Викторович не так давно стал моим заместителем по торговым отношениям. Это была довольно бесполезная должность, и несколькими месяцами ранее я хотела упразднить её, но домашние проблемы одного из знакомых отца отменили моё решение, и я отдала ему это место. Я понимала, что мужчина, которого я принимаю на работу, не имеет необходимых навыков. И обычно я так не поступаю. Точнее, я не делала такого ни разу за долгое время своего участия в деятельности корпорации. Но в тот момент подумалось, что в данном случае неопытность сотрудника не могла пагубно сказаться на работе всего предприятия, и не угрожала даже

малой части его. Ведь торговые отношения – это то, чем в глобальном масштабе мы перестали заниматься уже как пару лет. А с другой стороны, иногда возникают моменты, когда деятельность этого отделения ненадолго возобновляется. Но это случается всё реже. А последние полгода не было ни одного прецедента. И похоже, что более и не будет. Сейчас я уже немного изменила своё мнение по этому вопросу. Пришло понимание, что упразднение должности будет слишком радикальным. Наиболее действенным станет перефилирование всего отдела, перманентное вливание в систему с изменением функциональных особенностей и должностных обязанностей, перетекающих из торговых в производственные. А со временем этот человек приобретёт профессиональные навыки и сможет стать полезным, если и не на этой должности, то, возможно, на какой-то другой. Да и работники отдела составляют уже целый, профессионально сработавшийся, практически породнившийся коллектив, разбивать который было бы нецелесообразно.

Михаил Викторович, увидев меня, помахал рукой и двинулся в мою сторону. Я постаралась улыбнуться как можно более дружелюбно и остановилась, ожидая пока он подойдёт.

– Решили пройтись по свежему воздуху? – задал он риторический вопрос.

Я пожала плечами.

– Вы сегодня прекрасно выглядите, впрочем, как всегда, – сделал он мне комплимент.

Я поглядела в зеркало. Выглядела я, действительно, как всегда.

– Позвольте мне Вас проводить, – попросил он. – Мне очень нужно с Вами поговорить.

– Да, конечно, – я снова улыбнулась и дружелюбно кивнула в ответ. Подумалось: «Почему бы и нет?» Я снова постаралась отделаться от мысли о том, что поведение этого мужчины в последние дни кажется очень странным. Но... если ему что-то нужно, я вполне способна его выслушать. Хотя... мы говорили с ним буквально вчера. Что могло измениться за такое короткое время?

С этими мыслями я покинула вестибюль, Михаил Викторович молча следовал за мной, видимо, стараясь мне не докучать. Скорее всего, заметив мою задумчивость, он решил на время отложить интересующую его беседу. Я тоже решила пока не настаивать на её немедленном проведении, сейчас я просто наслаждалась прогулкой, глубоко вдыхая свежий, пахнущий влагой воздух, и резко воспринимая окружающий мир. Сейчас я расслабляла своё сознание, стараясь настолько тесно слиться с природой, чтобы почувствовать себя каждой частицей окружающего бытия. Мы медленно шли по аллее, с двух сторон обрамлённой рядами каштанов, перемежающихся с голубыми елями вдоль внешней стены главного здания корпорации. Высокие стеклянные стены этого небоскрёба были видны практически из любой точки научного городка. Корпорация была его центром, а главное здание –

самым высоким строением.

Михаил Викторович всё так же молчал, я тоже. Несмотря на расслабленность, мне было как-то не по себе. Непонятное ощущение неправильности ситуации всё сильнее давило на меня неприятной тяжестью. Не в моих правилах было влезать в личные мысли других, но сейчас я уже была готова просканировать своего заместителя. Что-то неуловимо тревожное никак не позволяло мне окончательно обрести душевный покой. Да! Это уже в самом деле настоящая паранойя! Я резко вдохнула, возвращаясь в действительность и приводя свои мысли в рабочее состояние. Если я не могу успокоиться сама, нужно попробовать рассеять напряжение и уничтожить раздражитель. Для этого просто необходимо выслушать своего сопровождающего. Я более чем уверена, разговор с ним рассеет мои сомнения.

– Вы хотели о чем-то поговорить? – показалось, мой вопрос резко вклинился в тишину вокруг нас, разрушая совершенство этого вечера.

Мой собеседник шёл немного позади меня, и я начала оборачиваться к нему. Почему-то пришло понимание, что во время нашего разговора мне просто необходимо смотреть ему прямо в глаза. Но не успела я повернуть голову, как почувствовала резкую боль в затылке. Я попыталась ухватиться за уплывающее сознание, но не успела, темнота мягким одеялом укрыла мою душу, выдёргивая из реальности бытия.

Очнулась я в медицинском кресле Центра регенерации

мозга. Открыв глаза, увидела мягкую улыбку Михаила Викторовича. Всё ещё силась отринуть случившееся, попыталась улыбнуться в ответ. Но резкая боль в затылке превратила мою улыбку в гримасу.

– Я, наверное, переработала, – мой голос звучал непривычно хрипло, я попыталась откашляться, и головная боль не преминула напомнить о себе. Как же сильно меня приложило! – Пожалуй, пора домой. Отдохну и приду в норму.

Голова гудела. Я попыталась встать, но старания мои не увенчались успехом. Мои попытки поверить в то, что ситуацию пока ещё можно исправить, даже мне самой уже казались смешными. Я постаралась сосредоточиться, и внезапно пришло понимание, что гудит вовсе не голова, гудит кресло. Этот мужчина, вызвавшийся проводить меня домой, единственный мужчина, обративший внимание на то, что и мне нужен отдых, тот уникальный индивид, позаботившийся обо мне, один за многие-многие годы, он привязал меня к креслу и включил его. Оставалась ещё маленькая надежда на то, что, посчитав, что я заработала сотрясение мозга, он решил меня подлечить. Но кто же в это поверит? Точно не я! Да... Нужно было доверять своей паранойе. Но сейчас уже слишком поздно упрекать себя в недалёковидности.

– Как вы себя чувствуете? – Михаил Викторович весело постукивал авторучкой по столу, и этот стук доставлял дополнительный дискомфорт моему затылку.

Надо же было так сглупить! Ну что же! Сама виновата!

Теперь сама и буду расхлёбывать...

– Что происходит? – спросила я своего, скорее уже бывшего, коллегу. Глупый, конечно, вопрос. Наверяд ли Михаил Викторович именно сейчас испугается и не доведёт дело до конца, но всё же стоит попытаться дать ему шанс.

– Неужели вы так сильно ударились, что не можете увидеть очевидного? – ответил он вопросом на вопрос. Подумалось, что ударил он меня, а с головой плохо именно у него.

Я снова попыталась встать, и опять безрезультатно. Да... До меня, наверное, действительно плохо доходит. Но всё же у меня есть оправдание – я ударилась головой. Хотя... хлипкое какое-то оправдание.

– Послушайте, что Вы делаете? – снова я попыталась воззвать к его разуму, прекрасно понимая тщетность моих попыток. До чего же глупая ситуация!

– Наконец-то поняла, – видимо, сегодня его разум отказал ему в помощи. – Я собираюсь регенерировать Ваш мозг, моя госпожа. – Ехидство в его голосе граничило с безумием.

Он же сам не понимает, что творит! Регенерировать мой мозг? До меня медленно начала доходить вся комичность происходящего.

– Вы же не умеете, – я пыталась оценить последствия этой ситуации. Насмешка в моих глазах, видимо, раздражала его. Но он наверняка не понимал, что её объектом является не пленивший меня мужчина. В этой ситуации я могла смеяться лишь над собой. Создав то, что считала идеальным, сей-

час я собственными руками, а если быть абсолютно точной, то своей собственной глупостью, привела всё это к абсолютному, всеобъемлющему разрушению. Так была ли изначально необходимость во всём этом? Зачем? Для чего?

– Научился! Видите, одежду я Вам уже регенерировал, – со злостью выпалил мой собеседник.

Мда... Ситуация! Я скосила глаза, попытавшись оглядеть себя, насколько могла дотянуться взглядом. На мне было надето какое-то странное невероятно грубое длинное платье серого цвета. Наверняка оно, кроме всего прочего, было очень тяжёлым.

– Господи, что это? Зачем? – не удержалась я от вскрика. Это уже совсем ни на что не походило. Что за мысли посетили больную голову этого субъекта?

– Ты никогда этого не узнаешь, – более не сдерживаясь, он шипел, словно голодный змей. Подумать только, сколько в нем было ненависти ко мне! Я не могла такого даже предположить. Или, может быть, он просто сейчас разозлился? А если он не один? Я впервые задумалась о мыслях тех, кто окружает меня. Ведь никого из них я никогда полностью не посвящала в суть своего проекта. Они же просто не знают! Они могут видеть лишь внешнее, показное. И они... ненавидят меня? Возможно ли, что на планете нет ни одного человека, который может меня понять? О чём я? Конечно, нет! Ведь никому, ни одному из них ничего не известно! – Сейчас я включу эту штуку, – шипение Михаила Викторовича вновь

прервало мои размышления. Он потрясал пультом от кресла, держа палец над кнопкой пуска устройства. – Сначала ты расскажешь мне всё, что ты знаешь сама, а потом я сотру информацию из твоей прекрасной головки. И я стану главным.

Мне подумалось, что сейчас лишь от него зависит всё, что случится потом, лишь от его решения.

– Мы перешли на “ты”? – машинально спросила я его. Ответ на этот вопрос меня мало интересовал. Сейчас уже речь шла не об уважении. Принципиально уже всё было не важно. Его решение, только оно. Я криво усмехнулась, всё ещё реагируя на боль в затылке. Извечная дилемма – добро и зло. Хотя... Может быть, я и есть то зло, которое нужно искоренить? Возможно, с самого начала всё было неверным?

– Ты все равно ничего не запомнишь! – он уже кричал, только пены у рта не хватало, а то бы можно было предположить у него бешенство.

– У Вас ничего не получится, – устало констатировала я. Расслабившись, я прикрыла веки. Всё происходящее казалось мне кошмарным сном. Видимо, изменение моего тона подействовало на мужчину отрезвляюще.

– Почему? – всё ещё раздражённо, но уже немного тише, спросил он.

– Потому что информация – не главное.

Мой ответ на секунду озадачил его. Я приоткрыла глаза и постаралась поймать его взгляд. Он резко отшатнулся, задумался, затем продолжил наш диалог:

– Заодно ты дашь мне информацию о главном... А потом... – он расхохотался, – я запулю тебя... ой-ой-ой. Потомки будут в восторге от моей шутки.

Его смех, казалось сотрясал стены. Почудилось, что он не в себе. Многие годы в мире не было преступлений. Я подумала, что ему, наверное, сейчас очень тяжело пересиливать себя. Нужно иметь невероятную смелость, чтобы сотворить такое! И невероятную глупость тоже...

– Какой кретин...

Кажется, последнюю фразу я произнесла вслух, но я уже не чувствовала себя. Созданный мной прибор отключил все мои ощущения, погрузив моё тело во что-то наподобие сна. Но отключились лишь функции тела, мозг же работал, как в бодрствующем состоянии. Я не могла этому сопротивляться. Физически я себя больше не ощущала. “Привет!” Во сне вылезла его довольная физиономия. “Рассказывай”. И информация, заключённая в моей памяти, медленно начала оставлять меня. Я пыталась сопротивляться, но казалось, ничто и никогда не сможет мне помочь. Моё создание уничтожало мою суть. Оно выуживало из меня сведения, одно за другим. Всколыхнулось понимание, что нужно немедленно что-то предпринять, освободиться. И для этого подходит любой способ. Я должна сохранить себя. Думай! Думай! Думай! Одномоментное решение, промелькнувшее слабым лучом надежды, быстрый расчёт. И пока мой мучитель не успел понять сути происходящего и выудить из меня внезапно воз-

никшую мысль, я предприняла невероятное усилие, удалив подальше от себя ту часть своей памяти, без которой я могла бы просуществовать некоторое время. Но кое-что я оставила, прочно заключив это в той части подсознания, которая работала на уровне интуиции и была недоступна для аппарата, созданного под моим руководством, а сейчас планомерно уничтожающего моё собственное Я. Одновременно, пока память ещё не совсем покинула меня и для меня ещё это было возможно, воспользовавшись энергией прибора, я совершила последнее из того, что должна была предпринять. Всё это произошло настолько быстро, что невозможно было отследить ни ход моих мыслей, ни мои дальнейшие действия. От перенапряжения я уже не в силах была воспринимать окружающую действительность. Тяжесть навалилась на меня непосильным грузом... Не хватало воздуха... Я попыталась набрать в грудь как можно больше живительного кислорода, но эта последняя попытка вместо того, чтобы помочь, довела меня до полного изнеможения, и я отключилась.

Часть I. Амнезия

Глава 1. Знакомство

Я открыла глаза. Прямо надо мной сквозь яркую зелёную листву просвечивала нежная голубизна неба. Я попыталась повернуть голову, отчего затылок пронзила такая резкая боль, что на мгновение я потеряла зрение. Рука автоматически потянулась к больному месту. Ничего... Но всё же, кажется, я довольно сильно ушиблась. Немного придя в себя, я встала и осторожно, стараясь не делать резких движений, чтобы не причинять себе боли, оглянулась вокруг, пытаюсь понять, куда я попала.

Небольшая речка струилась между каменистыми берегами. Чуть вдали виднелись покрытые зеленью луга, среди которых изредка попадались маленькие островки лиственного леса. На лугу яркими разноцветными пятнами были разбросаны самые разнообразные цветы.

Я стояла около трёх старых деревьев с причудливыми резными листьями. Все ещё кружилась голова. Чтобы не упасть, я присела, прислонившись спиной к стволу. Около корня рос молодой отросток. Сама не знаю зачем, я машинально сорвала один из листков. Меня заинтересовала его структура. Внутри тёмно-зелёного полотна листа, державшегося на

плотном осто́ве, словно маленькие жилки были протянуты светлые миниатюрные нити, как будто испаряющиеся у краёв, ограниченных волнистой кривой линией. Где-то я уже это видела. Но где? Я стала внимательно рассматривать побег. По стволу взад-вперёд сновали насекомые. Я снова поймала себя на мысли, что всё это мне знакомо, но... я никак не могла понять откуда. Ещё раз оглянувшись вокруг, я вдруг уяснила для себя, что не все понятия мне доступны. Я сразу узнала деревья и небо; абсолютно очевидно, что я должна узнавать все предметы, находящиеся вокруг меня, но часть их каким-то непостижимым для меня образом выпала из моей памяти.

Задумавшись, я поняла, что на самом деле абсолютно ничего не помнила: ни кто я, ни как я здесь очутилась, ни что это за мир...

– А здесь красиво! – грустно улыбнувшись, произнесла я вслух; затем поднялась на ноги и медленно пошла по берегу реки.

Со временем боль ушла. Мои уши наполняли жужжание насекомых и пение птиц. Разноцветные бабочки кружили над травой. Пчелы забирались в разнообразные яркие соцветия. Было тепло. Лёгкий ветерок чуть-чуть теребил мои волосы, создавая приятное ощущение прохлады и невообразимой лёгкости. Длинное серое платье несколько замедляло ход. Делать было нечего, и я медленно шла вперёд. Всё здесь для меня было в диковинку. Я осматривала новые места, и

их красота притягивала меня.

Впереди показался небольшой лесок. Под ветвистыми деревьями было сумеречно. Пройдя чуть дальше, я увидела маленькую полянку, на которой в траве алели спелые ягоды. Что-то знакомое уловила я в них, но никак не могла вспомнить, что это. Я решила попробовать ягоду на вкус и почувствовала, что где-то уже испытывала это ощущение. Сев на землю, я стала обрывать найденное угощение в сорванный поблизости большой лист, махровый с одной стороны и абсолютно гладкий с другой.

Поначалу, увлѣкшись сбором ягод, я не заметила, как к поляне начали стягиваться какие-то дикие звери. Затем как-то внезапно, словно поддавшись интуиции, я почувствовала их приближение; всем своим нутром я ощутила их голод. Мне не понадобилось даже поднимать голову, чтобы точно знать величину стаи. Всего двадцать три. Оторвав взгляд от набранных ягод, я внимательно оглядела животных. Они не сводили с меня голодных глаз, готовые по первому приказу вожака кинуться на долгожданную добычу. “Волки”, – промелькнула мысль. Но кроме названия вида, в моей памяти не возникало никаких ассоциаций. Сосредоточившись, я ещё раз обвела взглядом поляну и нашла вожака. Посмотрев ему прямо в глаза, я инстинктивно почувствовала то, что чувствует он. Вожак был зол, потому что он недавно поранил лапу об один из твёрдых предметов, которые разбрасывают такие же двулапые, как та, которая сидит сейчас перед ним на

поляне. Он был голоден и ненавидел всё вокруг за то, что не смог съесть еду, положенную возле того места, где был ранен двулапым существом. Он не любил двулапых, и одна из этих особей стояла сейчас перед ним. Великолепная закуска! Он накормит всю стаю свежим, только что пойманным мясом...

Сама не понимая, каким образом, я вошла в его мысли легко и стремительно. Я посмотрела на себя его глазами. Боже мой! Какой жалкой я показалась себе. Бедное оборванное создание! Неужели я всегда была такой? Вожак был удивлён, очень удивлён тем, что двулапая не испугалась его. Волк потряс головой, как будто ощутив моё присутствие. “Тихо, спокойно, – беззвучно прошептала я ему, притворяясь чем-то вроде внутреннего голоса. – Всё хорошо”. Вожак опять удивлённо затряс головой, пытаясь отогнать от себя новое наваждение. По всей вероятности, у волков не было внутреннего голоса, и вожаку моё вторжение в его мысли не слишком понравилось. Но у него не было сил сопротивляться, и с каждой секундой я обретала над его разумом всё большую и большую власть. Наконец, он расслабился, полностью подчинившись моей воле. Почувствовав его инертность, я продолжила увещевать волка: “Ты сыт, тебе лень нападать, ты хочешь спать. Надо увести стаю, чтобы они не видели твою апатию. Двулапая слишком мала для них. Возможно, когда-нибудь она сможет пригодиться. Наверное, она вспомнит, что ты отпустил её. Двулапые часто ловят волков. Она сможет помочь кому-нибудь из стаи”. Я сама стала вожаком стаи, вместе со

всем корпусом повернула лохматую голову, обведя стаю потухшими глазами и, взыв от безысходности, приказала им уходить. Они были не очень довольны, но побоялись послушаться сильнейшего. Волки развернулись и поплелись прочь от того места, где нашли такую лёгкую и теперь бесполезную для них добычу.

Я тряхнула головой, приходя в себя и отгоняя от себя ощущения, навеянные этим небольшим приключением. Значит, где-то есть такие же, как я, я не одинока. Но ради чего они ранят волков? Я была почти уверена, что тот твёрдый предмет, о котором думал вожак, – своеобразная ловушка. Зачем калечить зверей, когда их так легко можно подчинить?

Волки... Что это за звери? И почему они решили перекусить мною? Я была уверена, что когда-то знала о волках довольно много, но сейчас абсолютно ничего не приходило мне в голову. Что же случилось со мной такого, что я не могу понять сути не только происходящего, но даже себя самую? Аккуратно завернув собранные ягоды в большой лист, я вышла из леса.

Идти мне было некуда. Выйдя на берег реки, я начала наблюдать, как медленно плывёт по течению ствол когда-то бывшего живым дерева. Прямо по ходу его движения виднелась небольшая отмель. Прошло совсем немного времени, и бревно, наткнувшись на отмель, резко остановилось.

«Бревно», – моя беспомощность начала меня смешить.

Понятия выплывали из глубин памяти как по волшебству, и, как не странно, в тот самый момент, когда я этого не ожидала. Словно кто-то внутри меня подсказывал мне названия вещей, когда это становилось необходимым.

Через некоторое время бревно вновь привлекло моё внимание. Оно снова пришло в движение, на этот раз очень тихо перемещаясь перпендикулярно движению реки. Присев на берегу, я смотрела, как течение подталкивало свободный конец бревна, медленно добиваясь своей цели. Видимо, существуют некоторые силы, обойти которые невозможно, установив даже довольно серьёзное препятствие. Прошло довольно много времени, и, в конце концов, река победила – бревно продолжило свой путь вдоль её течения.

Я решила пойти вдоль берега реки, некоторое время наблюдая движение бревна. Но вскоре оно осталось позади, застряв на очередной отмели. Устремившись вперёд, я уже ни о чём не думала и не пыталась больше ничего понять. Я проходила луга, шла через леса, натыкалась на новые и новые полянки. Некоторые из них были уже кем-то обобраны, но на других оставалось ещё немного ягод. Мне было безразлично, куда я иду. Я должна была найти таких же, как я. Сколько времени я шла? Этого я тоже не знала. Я просто шла и шла, пока усталость не подкосила мне ноги. Тогда я легла на траву и заснула.

Во сне я видела смеющееся лицо мужчины. Он был довольно привлекательным, но внутри меня возникло какое-то

неприятное чувство при виде этого лица. Наверное, когда-то я его знала. Сейчас же я не могла вспомнить ничего, кроме ощущения брезгливости, вызванного его присутствием...

Когда я проснулась, было раннее утро. Солнце только что показалось из-за горизонта. Прозрачная роса каплями свисала с бутонов ещё не раскрывшихся цветов. Но красоты природы сейчас мало волновали меня. Я была насквозь мокрая, невыспавшаяся и замёрзшая. Ныли все части моего тела. Теперь я была уверена, что не привыкла спать на голой земле под открытым небом.

Встав с мокрой травы, я пошла в том же направлении, которое выбрало за меня днём раньше плывущее бревно. Солнце медленно согревало землю, одновременно высушивая мою одежду. Набранные в лесу ягоды давно кончились, а больше полянок с таким изобилием мне не попадалось. Голод почти не ощущался, только лёгкое головокружение, иногда переходящее в головную боль. Изредка попадались дикие звери, но все они, едва увидев меня, уходили прочь. Лишь только стая волков, которых я встретила на полянке, в отдалении следовала за мной.

Я понимала, что независимо от своего желания, делаю что-то такое, что пугает животных и заставляет их обходить меня стороной. Хотя, вполне возможно, что в этом была и не моя вина... Подумалось, что почему-то на поляне, когда я собирала ягоды, волки нисколько не испугались меня. В тот момент они даже решили мною пообедать... А теперь поче-

му-то шли по моим следам.

Спустя несколько дней пришло понимание того, что что-то во мне возбуждает в вожаке любопытство, и именно это чувство заставляет его вести стаю параллельно моему пути. Во мне не было желания причинять им зло, и, по всей вероятности, они очень скоро поняли это. Некоторое время серо-бурый волк вёл свою стаю вдали от меня, но наступил момент, когда он настолько осмелел, что подошёл совсем близко. Почему-то захотелось зарыться пальцами в густую, показавшуюся мягкой, шерсть на его загривке. Я протянула руку и, едва коснувшись, чтобы не напугать зверя, ласково погладила его по голове. В первый момент это заставило его отпрянуть, но позже он всё же потихоньку начал позволять мне прикасаться к себе, в конце концов он настолько привык к моему присутствию, что иной раз даже разрешал мне спать возле себя. Иногда мне даже казалось, что волки решили принять меня в свою стаю. Рядом с ними мне не было одиноко, но меня не покидало ощущение неправильности происходящего. Я не стану волком, даже если вся стая посчитает меня своей. Мне нужно найти таких же, как я. Мне нужно понять, кем я являюсь. И именно эта мысль заставляла меня двигаться дальше.

Вода в реке была довольно чистой и, по существу, она одна поддерживала мои силы. День проходил за днём, а я всё шла и шла... Река мягко несла вдаль свои прозрачные воды, как будто указывала мне путь.

Я начала привыкать просыпаться на рассвете на голой земле, в окружении стаи хищников, вставать и идти в никуда, надеясь когда-нибудь дойти до неведомой цели моего путешествия. Приходило понимание, что надо что-то делать, но я даже представить себе не могла, что именно. Если бы я могла вспомнить! Но нет... Тонкая нить памяти ускользала от меня, как только я хотела зацепиться за неё. И тогда я шла дальше, ни о чём не думая и не представляя себе ни где я, ни кто я, ни откуда.

Я не знала, сколько дней брела так вдоль каменистых берегов реки с неизвестным мне названием, и не представляла, сколько дней ещё шла бы так одна, голодная и оборванная. Лишь счастливая случайность помогла мне выбраться из этого положения.

В тот день как обычно я брела по берегу чужой реки. Ландшафт немного сменился. Берега реки стали положе. Изредка камни начали сменяться песчаником, порой попадались небольшие лужайки. Стая волков от чего-то разбежалась, укрывшись в небольшом подлеске поблизости. Внезапно сзади раздался незнакомый мне звук. Хотя, что я говорю! Все звуки здесь ничего мне не напоминали. Я обернулась. Какой-то человек ехал за мной верхом на неведомом мне животном. Слабая нить воспоминаний снова появилась рядом со мной, и я успела ухватить её за самый кончик. Да! Это лошадь. Это животное называется лошадь! Мне показалось, что появилась надежда; надежда, подогреваемая тем,

что наконец-то я смогла сама выловить что-то из своей памяти. Лошадь... Я вспомнила это понятие не потому, что попала в критическую ситуацию, а просто потому, что захотела вспомнить. И я рассмеялась. Наверное, выглядело это ужасно. Слабое, оборванное создание, весело гогочущее посреди пустынного, безлюдного места. Но я настолько была счастлива тем, что вспомнила хотя бы что-то, что мне было совершенно безразлично, что обо мне подумает тот человек на своей лошади.

– Что так развеселило вас, сударыня? – его голос был мягким и бархатистым.

Как мне можно было объяснить ему всю радость, испытанную мной оттого, что я хотя бы что-то знаю в этом мире? Я улыбалась ему и молчала. Я не могла ответить на его вопрос. Я сама не знала ответ. И ни один ответ не выразил бы того, что чувствовала я в этот момент.

– Кто вы? – спросил он.

– Простите?

– Как вас зовут? – снова задал он вопрос.

– Я не знаю...

– Не знаете? Вы смеётесь надо мной!? Каждый человек знает, как его зовут.

– А я не знаю...

– Это довольно любопытно! – он явно был озадачен. – И давно вы так бредёте, милая леди?

– Может да, а может нет, я не считала дни.

Я смотрела на своего собеседника. Он, видимо, был довольно симпатичным когда-то, но сейчас глубокие морщины избородили его лицо. Я поймала себя на мысли, что не привыкла к этому. Видимо, там, откуда я пришла, не было людей с морщинами. Его седина тоже вызывала во мне странное чувство новизны. В седле он держался хорошо, но были видны признаки надвигающихся болезней. По всей видимости, сердце его работало с перебоем, да и печёнка барахлила. Мне стало жаль этого человека.

Пока я изучала его, он, не теряя времени, внимательно разглядывал меня, видимо, тоже делая какие-то выводы на мой счет. Мне очень хотелось, чтобы этот человек забрал меня с собой, но я не могла навязать ему себя. Я всё ещё улыбалась, ожидая что будет дальше. Наконец, мужчина принял решение.

– Там впереди есть дорога, – сказал он мне. – Она ведёт в моё поместье. Идите по ней. Возможно, я подыщу вам какую-либо работу.

– Почему? – спросила я, хотя в голове моей звучал совершенно иной вопрос.

– Я отвечу вам так же, как вы ответили мне: я не знаю! – мужчина ласково улыбнулся мне, немного наклонившись ко мне, как бы желая запомнить моё лицо, затем выпрямился, развернул свою лошадь и уехал, а я опять осталась одна.

Было досадно оттого, что этот мужчина просто не предложил довезти меня до своего дома. Лошадь, наверняка, смог-

ла бы выдержать нас двоих. Мне больше не хотелось брести одной, полуголодной вдоль бесконечной реки, наблюдая её течение и общаясь лишь с дикими животными. Меня так измучило это бесконечное путешествие! Вздохнув, я подумала, что он что-то говорил про дорогу. Я пошла вперёд. Очень скоро я действительно увидела дорогу. Она вела куда-то от реки, или скорее – откуда-то к реке. Моментажно забыв о своей обиде на незнакомца, я побежала по указанному им пути. Я бежала все быстрее и быстрее. Мне казалось, что быстрее меня не может бежать ни одно существо этого мира. Но я не учла, что слишком ослабла за время своих блужданий. В конце концов случилось то, что должно было случиться – я упала... Но этого я уже не почувствовала.

– Бедная девочка, – какая-то женщина склонилась надо мной. – Она совсем измучена.

– Интересно, откуда она. – На этот раз я слышала голос мужчины прямо из-за моей головы. – Похожа на бродяжку, может быть – попрошайка.

Мне очень хотелось сказать тому человеку, который произнёс эту тираду, что я не попрошайка, но я сама не знала, кем я являюсь. Поэтому я решила промолчать и на этот раз.

– Посмотри на её руки. Разве бывают такие руки у попрошаек? – снова подала голос женщина.

Я взглянула на свои руки – руки как руки. О чём они говорят?

– Тише! Она нас понимает! – Мужчина смотрел на меня, а я на него.

– Да, кажется, очнулась, – женщина ласково улыбнулась мне. – Как тебя зовут, детка?

– Я не знаю, – ответила я просто.

– Каждому при рождении дают имя, – женщина задумчиво посмотрела на меня. – Ты его забыла. Мы будем звать тебя Еленой. Алёнушка. Это хорошее имя.

Я кивнула в знак согласия. Мне понравилось это имя, как будто что-то родное и давно знакомое послышалось мне в тех звуках, которые произнесла сердобольная женщина, пожалевшая и приютившая меня.

– Вот и славно, – сказал мужчина. – Ну, ты тут обустройся, а мне пора за дело.

Сев на широкую лавку, на которую меня положили люди, давшие мне имя, я стала осматриваться кругом. Всё было настолько необычно, что я не могла понять, сон это или явь. Я сидела на лавке в деревянной избе, посреди которой стоял стол. Около стены была большущая печка. Такая большая, что, пожалуй, на ней можно было и спать. Окна были заделаны чем-то мутным, и через это что-то просачивался тусклый дневной свет.

– Тебе надо переодеться, – женщина с улыбкой смотрела на меня. – Возьми это. – Она протянула мне старые, но чистые юбку, рубашку и платок. – Там во дворе банька ещё тёплая. Обмойся сначала. А я за водой покамест выйду до

колодца.

Я взяла из её рук предложенную мне одежду и робко улыбнулась:

– А где...

Но не успела я закончить вопрос, как хозяйка, мою нерешительность правильно, сама на него ответила:

– Ой, блаженная! Во дворе баня, сказала же, – она махнула рукой, подзывая меня. – Пошли, доведу!

Я послушно последовала за женщиной. Та довела меня до небольшой избушки, войдя в которую я увидела два больших чана с горячей водой и бочку с холодной. Повертев в руках ковш и решив, что этой посудиною нужно лить на себя воду, я, с удовольствием воспользовалась гостеприимством хозяев. Всю дорогу я могла пользоваться лишь речкой, холодная вода которой не приносила столько наслаждения, сколько я получила, поливая себя из деревянного ковша в этой неказистой с виду избушке.

Помывшись, я быстро натянула на себя рубашку и юбку и вернулась в дом. Одежда была странных грязно-серых тонов. Я смотрела на платок и никак не могла понять, что мне с ним делать. Мне не было холодно, поэтому надевать его как шаль не имело смысла. Я приоткрыла затянутое мутной плёнкой окно и, стараясь оставаться незаметной, выглянула на улицу. Женщины, снующие взад-вперёд по неширокой дороге между домами, носили платок на голове. “Наверное, здесь так принято”, – подумала я и тоже повязала платок. Вошедшая

в дом хозяйка удовлетворённо оглядела меня:

– Теперь ты на человека похожа!

Я так не думала, но решила снова промолчать. Моя одежда казалась мне довольно забавной и неудобной. Как же я здесь очутилась?

– На-ка, поешь! – хозяйка поставила на стол какое-то варево в деревянной миске.

Я подошла к столу. Голова всё ещё кружилась. Варёво выглядело не очень аппетитно, а пахло и того хуже. Негоже было обижать хозяйку, и я с неохотой взяла в руку ложку. Первую ложку я проглотила с трудом. Но, по всей вероятности, я настолько изголодалась за долгое время пути, что остальное далось мне легко.

Во время моей трапезы хозяйка неотрывно наблюдала за мной. Наконец, когда я съела последнюю ложку, она проговорила:

– Что случилось с тобой, девочка? Как получилось, что ты одна-одинёшенька так долго бродила по лесам?

Я сочла вопрос за риторический, поблагодарила женщину и только встала из-за стола, решив немного пройтись по свежему воздуху, как вдруг услышала её возмущённый голос:

– А кто будет посуду за тобой мыть?

Мыть посуду? Я взглянула на деревянную миску, из которой хлебала поданную мне еду. Подумала, что в будущем нужно быть внимательнее. Эти люди приютили меня. Но они вовсе не обязаны за мной ухаживать. Напротив, это я долж-

на отплатить им за гостеприимство. Виновато улыбнувшись, я спросила у хозяйки, где можно вымыть посуду.

– Ступай к колодцу, – велела она мне, махнув рукой в сторону двери.

Взяв миску с ложкой, я вышла из избы. Когда я бежала по неширокой дороге, я не могла даже представить, куда она меня заведёт. Вокруг стояло множество домов, около которых росли красивые, ухоженные деревья, полные зарождающихся плодов. Аккуратно обработанные участки земли были засажены какими-то неизвестными мне растениями. Возможно, когда-то я что-нибудь знала об этих растениях, но теперь... теперь они не возбуждали во мне абсолютно никаких воспоминаний.

Я оглядела участок земли около того дома, куда занесла меня судьба. Возле изгороди играли ребятишки. Увидев меня, они повисли на заборе, не сводя глаз с доселе неизвестной им женщины. Прямо во дворе находилось деревянное сооружение, на котором стояло ведро. Ведро было привязано верёвкой к цилиндру, приделанному прямо над сооружением. Я подошла ближе. Сооружение было накрыто чем-то вроде деревянной крышки. Взяв её за ручку, я потянула крышку на себя, заглянув под неё. Под крышкой была глубокая яма, наполненная водой. Подумав о том, что если я опущу ведро, привязанное верёвкой, в яму, то наверняка смогу поднять его с помощью рукояти, приделанной к цилиндру, я бросила ведро в яму. Цилиндр завертелся, и ведро потя-

нуло за собой верёвку, накрученную на цилиндр. Испугавшись того, что ведро может не быть привязано к цилиндру, я успела ухватить верёвку прежде, чем она полностью раскрутилась, уронив при этом миску с ложкой на землю. Стоявшая за забором ватага детей, наблюдавших за моими действиями, затряслась от хохота. Наверное, мои безуспешные потуги действительно были очень смешны...

На смех ребятишек из дома выбежала женщина, приютившая меня.

– Ты что, колодца ни разу не видела? – женщина с удивлением смотрела на меня. Уголки губ ее приподнялись. Верно, она тоже готова была рассмеяться надо мной, но, видя мою беспомощность, решила себя сдержать. – Господи, что же с тобой делать? Диковинная ты какая-то!

Она помогла мне вымыть посуду и предложила пройти в дом. Возле крыльца стояла лавочка, и я попросила женщину позволить мне остаться во дворе. Она укоризненно посмотрела на меня и произнесла:

– Ты ещё не нагулялась, деточка? – затем, покачав головой, добавила: – Разве тебе не довольно того, что ты пережила в последние дни? Что же с тобой произошло, дитя?

– Я ничего не помню, – в который раз ответила я на постоянно возникающий у окружающих меня людей вопрос. – Просто мне так хочется побыть на свежем воздухе! Нет желания идти в дом.

Я подняла глаза, постаравшись подкрепить просьбу взгля-

дом, сялясь влить в него помимо робости что-то, такое, что смогло бы сподвигнуть мою хозяйку дать мне немного свободы. Видимо, я преуспела, потому что женщина, вздохнув, произнесла:

– Ну что же, посиди, только не выходи за калитку.

– Почему? – вопрос вырвался машинально; мне казалось, что он был довольно резонен.

– Почему?! – возмутилась женщина. – Ты ещё спрашиваешь почему? Горе на мою голову!

Женщина вздохнула и вошла в избу, громко захлопнув за собой дверь.

Взглянув на дверь, за которой скрылась моя хозяйка, я увидела бабочку, сидящую на косяке. Я подошла к двери и протянула руку, ожидая, что бабочка вспорхнёт на неё. Дети во дворе опять заржали. Бабочка взмахнула крыльями и села на тыльную сторону моей руки. Я подошла к лавочке и медленно опустилась на неё, надеясь не спугнуть насекомое. Дети за изгородью затихли. Мне была непонятна их реакция на моё невинное желание разглядеть насекомое поближе. С колодцем вышло действительно смешно, но что смешного в том, что я захотела поближе рассмотреть изумительной красоты рисунок на крыльях этой бабочки? Я внимательно взглянула на насекомое. Чёткий разноцветный рисунок на его крыльях явно что-то напоминал мне, но что... Пока это так и осталось для меня тайной.

Дети всё также с любопытством наблюдали за мной. Я от-

пустила бабочку и стала изучать людей, проходящих мимо дома, в котором меня приютили. Они осматривали меня как какую-то диковинку. Дети показывали им на меня пальцем и что-то говорили. Я слишком далеко находилась от них и не могла разобрать слов. Но почему-то это меня не смущало. Мне было абсолютно безразлично мнение окружающих. Судя по тому, как со мной здесь обращались, я была моложе многих из них. Сейчас я не помнила, сколько мне лет. Память моя действовала как-то избирательно. Я знала, что такое деревья и цветы, но не узнала сразу лошади. Я могла спонтанно понять суть какой-то вещи, но, если начинала задумываться о чём-то, это что-то уходило от меня с быстротой молнии. Кто же я? И как я здесь очутилась? Я была почти уверена, что никогда не жила ни в этом месте, ни в месте, похожем на это. Я просидела на лавочке до вечера, осматривая прохожих, удивляющихся моей нескромности. Я бы просидела здесь и дольше, но как только пришёл с работы муж моей хозяйки, мне пришлось вернуться в избу. Мужчина был очень зол. Должно быть, ему уже успели донести о том, что я весь день просидела возле его дома под пристальными взглядами односельчан. Во всяком случае, судя по его словам, его сердило именно это. Женщина снова выпроводила меня во двор, а затем долго разговаривала о чём-то со своим супругом. Мне показалось, что хозяйка увещевала его не ругать меня, так как даже если бы я знала местные порядки, я скорее всего их не помнила.

К вечеру похолодало. На деревьях всё ещё весело щебетали птицы. Я чувствовала, что не привыкла ни к таким домам, ни к обилию птиц, ни к вечерней прохладе, ни к колодцам, ни к деревянной посуде. Скорее всего, то место, где обитала я, резко отличалось от этого поселения. Но сейчас мне было хорошо, спокойно и уютно. Мне начали нравиться люди, приютившие меня. Я с благодарностью оглянулась на дом, в котором находились мужчина и женщина, отнёсшиеся с теплом к совершенно незнакомому им человеку, приютившие и обогрели меня в тот момент, когда я уже начала терять силы от голода и усталости. Неужели в мире всё ещё существуют бескорыстные люди, люди, способные на сопереживание?... Хотя, вполне возможно, что гостеприимство мне было оказано с лёгкой руки того мужчины на лошади, что встретился мне на дороге. В принципе, это не важно. Главное, я нашла кров. И я просто благодарила Бога за то, что он послал мне убежище тогда, когда я даже не знала о его существовании.

Как только вернулся хозяин, ребятня быстро разбежалась от его избы. Видимо, здесь этого мужчину немного побаивались. Прохожих, пришедших поглазеть на меня, тоже больше не было видно. Изредка вдоль забора проходила чья-то коза, бегали куры и петухи. Мне стало немного скучно. Я посмотрела на молодого петушка и мысленно подозвала его к себе. Взяв петушка на руки, я погладила его по холке. В ответ он ухватил клювом мой палец и тихонько потянул его на себя.

Мысленно я попросила его подать голос, и он негромко ку-карекнул. Мне это понравилось, и я приказывала ему делать это снова и снова...

Внезапно дверь дома открылась.

– Иди в избу спать! Утро вечера мудренее, – сказал вышедший на крыльцо хозяин. – Да отпусти ты этого петуха! Совсем замучила бедную животину! Зови меня Иваном Никонорычем, – добавил он. – А жена моя – Марья Антоновна. Запомнишь, детка?

– Да, Иван Никонорыч! – я благодарно улыбнулась уже казавшемуся таким родным человеку.

– Ну, вот и славненько! – улыбнулся он в ответ. – А теперь – спать.

Я сняла платок и, подложив его под голову, легла на голую деревянную лавку, которая после ночей в лесу оказалась мне самой мягкой периной в мире. Это было чудом. Я обрела дом, в котором мне было действительно хорошо, людей, которые как родную приняли меня в этом доме, и мне больше ни о чём не надо было заботиться. Впервые с того времени, как я очнулась под незнакомым небом, мне удалось спокойно уснуть, чувствуя себя в полной безопасности и имея прочную крышу над головой.

Глава 2. Сон

Я мягко погружалась в небытие, внимательно следя за теми ощущениями, которые давало мне это погружение. Сейчас я могла не следить за тем, что происходит вокруг меня. Безопасность, возможно и кажущаяся, позволила мне заглянуть в глубину собственного сознания. Во всяком случае, постараться дойти настолько далеко, насколько позволяла это сделать стена, отделяющая меня сегодняшнюю от той девушки, которая существовала где-то, как мне казалось, вне этого мира. Тело медленно расслаблялось, словно расплывалось. Душа же, наоборот, срасталась воедино с каким-то потусторонним миром. Явь перемешалась с выдумкой. Тенью неведомых то ли фантазий, то ли воспоминаний проявлялись обрывки видений и отголоски разговоров. Одновременно я понимала, что этот бред – начало процесса засыпания, и всё ещё воспринимала окружающую действительность. Постепенно мой разум погружался в бредовое состояние всё больше и больше. Этот процесс меня захватывал, и почему-то мне очень хотелось понять, что же происходит в момент перехода организма от яви ко сну. Мой мозг медленно отключался и, наконец, я перешла в состояние сна, полностью отнесясь от окружающей действительности.

Теперь уже мне не было странно, что я могла наблюдать этот процесс с начала и до конца. Сейчас, когда разум мой

был по ту сторону реальности, я понимала, что так было всегда. Я давно уже могу контролировать собственные сны. Я медленно поднялась над Землёй и полетела в необозримые просторы Вселенной. Я должна была вспомнить, найти ту связующую нить, которая даст мне понять, кто я, и что я тут делаю. Но всё же я ощущала какой-то запрет, стоящий на моих воспоминаниях, как будто стена, которую я никак не могла преодолеть.

Я стала расширяться, увеличивая свой астрал всё больше и больше. Стена, сейчас я её обогну, раздавлю своим неимоверным объёмом. Я выросла до размеров стены и... Это была не стена. Это куб. Куб, закрытый со всех сторон. Сколько бы я не увеличивалась, я никогда не войду внутрь. Надо искать другой подход. Я медленно кружила вокруг куба, не зная, что предпринять. Как войти внутрь? Нет... Сейчас это бесполезно. Когда я проснусь, надо всё хорошенько обдумать. А сейчас я могу просто скользить по сновидению, проходить сквозь стены, заглядывать в чужие дома. Стоп! Проходить сквозь стены...

Я попыталась пройти сквозь стену куба, ещё раз, ещё и ещё. Нет! Тут какая-то другая стена. Я не могу пройти сквозь неё. Снова запрет... Должен быть вход, хоть один, но должен! Но пока я его не вижу.

Слишком сильно бьётся сердце. Пульс... Слишком быстро. Надо успокоиться. У меня целая вечность. Надо отдаться сну.

Я ослабила контроль и полетела куда-то вниз. Я чувствовала невероятную лёгкость невесомости. Куб. Он внизу. Он очень прочный. Я могу разбиться. Я рассмеялась. Ну нет! Огромные горы мягкой, пушистой ваты накрыли куб, и я медленно опустилась в них, не чувствуя ни боли, ни страха, ни отчаяния. По мере погружения вата исчезала и, в конце концов, я снова оказалась около куба.

– Зачем ты преследуешь меня? Я хочу отдохнуть.

Куб улыбнулся:

– Ты должна разгадать загадку.

– Почему ты не вступишь меня?

– Я не могу. Только ты сама можешь войти.

– Почему?

Куб почесал подбородок:

– Глупый вопрос.

– Всё же ответь.

– Нельзя. На мне запрет. Отвечай сама!

Я подлетела поближе. Куб как куб. Нет ни рта, ни глаз, ни рук, ни даже подбородка... Что за бред? Господи, да я же сплю! Я расслабилась и полетела дальше, уже ни о чём не думая. Мозг мой отдыхал. Я знала, что куб здесь рядом: либо подо мной, либо сбоку, либо надо мной. Я лечу вдоль его стенок. Но мне надо отдохнуть, отключить контроль сна, иначе с утра я буду “как выжатый лимон”. Стоп! Откуда я это знаю? Ни о чём не думать... Ни о чём не думать... Ни о чём...

...Я плавно перемещалась по непонятному для меня коридору, в котором я очутилась помимо своей воли. Куба не было, но меня это не очень тревожило. Тревожило то, что я не знала, где я нахожусь. Я должна была это знать, я чувствовала, что должна...

Коридор был весь белый, ослепительно белый. Местами его поддерживали высокие колонны. Мне нужно было найти выход. Мне вдруг показалось, что я могу застрять здесь навсегда. Я металась из стороны в сторону, внимательно осматривая стены, но не было ни единой щели, через которую я бы могла просочиться, чтобы выбраться из этого бесконечного туннеля.

Свет становился все ярче и ярче. Свет жёг мне глаза. Я понимала, что не должна чувствовать боль, что я сплю. Надо проснуться. Я напрягла волю и попыталась покинуть необозримые просторы сна. Безрезультатно! Сейчас я не могла проснуться по собственному желанию. Самым странным было то, что я чувствовала, что ни один человек в этом мире не способен разбудить меня в этот момент.

И внезапно до меня дошло понимание той мысли, которую я старательно отгоняла от себя в неуклюжих попытках вырваться из плена. Я поняла, что этот коридор уже не сон. Из состояния сна всегда можно выйти по своей или чужой воле. Сейчас же для меня это было невозможно! Так где же я? Незнание всё больше и больше пугала меня. Мой пульс учащался. Я начала паниковать. Попытавшись про-

бить стену, я больно ушиблась и обожгла руку. Я подлетела к другой стене и осторожно потрогала её рукой. Стена была огненной. Что это? Я развернулась, желая уйти из этого места по той дороге, по которой пришла, но проход был закрыт. Я металась из стороны в сторону. Все было бесполезно. Наконец, я остановилась и снова начала думать. Кто-то или что-то не оставляло мне выхода. Я должна была двигаться вперёд. И чем быстрее я окажусь в назначенном месте, тем быстрее кончится этот кошмар. Я решила и полетела вперёд. Стены и колонны становились всё горячее, всем своим телом я чувствовала жар, исходящий от них. Свет становился всё более ослепительным, но я не закрывала глаза, хотя иногда мне казалось, что я ослепну от этой невероятной белизны. Но должен же быть конец этому нескончаемому туннелю!

Не знаю, сколько времени я летела, пока не поняла, что прямо передо мной находится именно то, что излучало бесконечный ослепительный свет. Я больше не могла терпеть это сияние и прикрыла глаза рукой.

– Что вы хотите от меня? – как странно звучал мой крик в этом помещении!

– Здравствуй, Елена! – Он проигнорировал мой вопрос.

– Здравствуйте, – уже более спокойно ответила я.

– Ты можешь попасть в беду, – он не спрашивал, а утверждал.

– Я ничего не помню, – услышала я свою жалобу. – Я вас знаю?

– И нет, и да! Но встречаемся мы впервые, – его голос завораживал своей уверенностью; незаметно для себя я успокоилась.

– Кто вы? – тихо спросила я, оторвав руки от лица; мне показалось, что свет, испускаемый этим человеком, стал мягче.

– Сейчас это не важно для тебя! – прозвучал ответ.

– А что важно? – этот человек казался мне всемогущим; моя душа тянулась к нему в ожидании какого-то чуда; где-то внутри я чувствовала возможность этого.

– Ты должна выбраться отсюда, и времени у тебя почти нет! – я не видела его лица, но чувствовала улыбку на его губах.

– Я не могу вспомнить, – снова пожаловалась я, безмолвно моля его о помощи.

– Скорее всего, ты со мной не согласишься, но сейчас ты не нуждаешься в моей помощи, – как я и предполагала, он легко читал мои мысли; но ответ его несколько разочаровал меня. – Ты сама смогла поместить себя в эту ситуацию, – объяснил он, почувствовав моё разочарование. – И ты сама сможешь выбраться из неё. Я только хочу предупредить, чтобы ты не тратила время зря.

– Зачем я здесь? – вопрос прозвучал в пустоту.

Коридор исчез вместе с жаром и светом. Его тоже не было рядом. После ослепительно яркой белизны туннеля я почти ничего не видела в том межзвёздном пространстве, где очутилась вновь. Боль от ожогов не проходила; значит, они

настоящие. Я ощущала присутствие куба рядом с собой, хотя не видела практически ничего. Расслабившись, я начала скользить в пустом пространстве Вселенной. Надо было привести себя в порядок, пока я находилась в состоянии сна. Наверя это будет проблематично. Но снова мне не дали отдохнуть...

Комната, в которой я очутилась на этот раз, не излучала ни света, ни тепла. Осмотревшись, я обнаружила, что в помещении не было ни одного угла. Но полное отсутствие углов не являлось самым странным в этой комнате. Со всех сторон меня окружали зеркала самой причудливой формы: длинные, короткие, круглые, квадратные, ромбические, в форме параллелограмма, трапециевидные, эллипсоидные и вообще не имеющие очертаний. Зеркала были кругом. Шарообразные и кубические зеркала свисали с потолка. Я взглянула себе под ноги – пол тоже оказался зеркальным. Сквозь зеркала то тут, то там, показывались небольшие промежутки стен и потолка. Не покидало ощущение, что стены изготовлены из чистого золота, а сквозь стеклянный потолок просвечивало чернильно-чёрное, усыпанное звёздами небо. Удивление моё граничило с лёгкой паникой, вызванной рекомендациями сияющего существа. Огромного размера зала с первого взгляда не имела какого-либо выхода. Здесь не было ни единой двери. Не покидало ощущение реальности происходящего. И по какой-то странной, неведомой мне причине, я была полностью уверена, что моё перемещение в это место

не было связано с тем, что говорил мне человек в туннеле.

– Где вы? – мой голос разрушил давящую тишину, одновременно заставив покинуть меня ощущение неуютности, тревожащее меня с момента попадания в это место.

Реальность не казалась чужой. Сейчас я была в более привычной для себя обстановке, и мне это нравилось.

Однако, никто не появлялся. Я медленно пошла вдоль зеркал, изучая свои отражения в них. Здесь не было ни одного сколь либо искривлённого зеркала. Все отражения были идеально правильными. Внезапно чувство неправильности заставило меня замереть. Я ещё раз неспешно обошла окружающие меня зеркала. Что это? То ли мне это показалось, то ли... Да нет, всё верно! В одном из зеркал моё отражение отсутствовало. Я встала прямо напротив неотражающего меня зеркала, внимательно вглядываясь в отражение. За стеклянной его границей была видна вся комната, но меня в этом зеркале не было. Я протянула руку, желая прикоснуться к стеклу. Резкий оклик за моей спиной, пронзивший абсолютную тишину помещения, заставил меня вздрогнуть.

– Не трогай!

Я взглянула в соседнее зеркало, и не увидела никого позади себя. Но я слышала голос!

Тогда я медленно обернулась и вздрогнула от неожиданности. За мной стояли три человека. Они были абсолютно одинаковыми, не было видно ни единого различия, по которому можно было бы определить, кто из них кто. И ни один

из троицы не отражался ни в одном из зеркал, включая и то, в котором не было моего отражения. Взглянув в их глаза, я не заметила ничего, кроме высокомерия. Возможно, они имеют право так обращаться со мной, но, несмотря ни на что, я начала терять терпение, хотя и на этот раз решила сдержаться.

– Здравствуйте, я Елена, – представилась я.

– Мы знаем, кто ты, – усмехнулись люди. Их усмешки ничем не отличались друг от друга. Они были как отражения в зеркалах одного и того же человека. – А знаешь ли ты, кто ты?

– Нет, – вздохнув, честно ответила я.

– Это и есть проблема, – пробормотал первый из них.

– Большая проблема, – сказал второй.

– Твоя проблема, – продолжил третий.

– Какая проблема? – Я смотрела на троицу, они казались мне очень забавными, хотя каждый из них в отдельности, возможно, не вызвал бы во мне такого ощущения.

– Поймёт ли она? – спросил тот из них, который стоял справа от меня, остальных.

– Она слишком примитивна, – ответил средний.

– Она может понять, если объяснить, – возразил последний.

– Мы не обязаны ей объяснять, – средний всё больше и больше не нравился мне.

– Мы взаимосвязаны, – это был левый.

– Пока это не слишком сильная связь, – поддержал сред-

него правый.

Мне надоел их спор, и я просто хотела отдохнуть, поэтому я решила их перебить:

– Зачем я здесь?

Все трое уставились на меня так, как будто я совершила что-то невероятно ужасное.

– Елена, Елена... Ты попала не туда, где должна быть.

Они говорили все вместе, и это было довольно смешно. Я улыбнулась и тут же была наказана за свою дерзость. Все трое протянули ко мне правую руку, и я ощутила мощный электрический разряд, заставивший меня упасть и больно удариться об одно из зеркал, которое тут же разбилось и поранило мне затылок. Внезапно все зеркала начали разлетаться вдребезги. Я испугалась и отскочила на середину комнаты, но и там осколки ранили меня. Я чувствовала, как кровь струится по моему лицу.

– Что ты наделала? – услышала я их голоса, исчезающие в неведомых мне глубинах космоса.

– Но это же вы сделали! – крикнула я вслед испарившейся вместе со странной комнатой троице.

Я снова была в своём сне. Кровь не переставала течь по моему лицу. Я теряла силы. Внезапно чья-то рука прикоснулась ко мне, и я почувствовала тишину и успокоение. Силы начали возвращаться ко мне. Рука исчезла, я открыла глаза, увидела стремительно исчезающий ослепительный свет и вновь услышала Его голос, он звучал как приказ:

– Не трогайте её!

– Она разбила зеркальную комнату, – трёхголосье словно жаловалось.

– Я сказал! – Это было последнее, что я услышала из Его уст.

– Вы мне объясните, что здесь происходит? – закричала я, чувствуя, что сейчас впаду в истерику.

– Тише, тише, – прошептали голоса, – ты разбудишь людей в доме. Прощай! Он не велел прикасаться к тебе.

Троица исчезла. Я вновь осталась одна, ещё более чем раньше не понимающая ничего. Я знала, что на этот раз все меня покинули, и думала, что теперь мне дадут спокойно закончить свой сон. Но я опять ошиблась...

На этот раз то место, где я оказалась, было не светящимся и не зеркальным. Прикованная обжигающими руки цепями, я висела в пустом пространстве, а вокруг меня, куда ни кинешь взгляд, горело жаркое пламя. Мне надо было бы уже привыкнуть к тому, что спокойно поспать не удастся, но внезапно такой гнев навалился на меня, что мне захотелось разнести всё вокруг. И несмотря на жуткую боль от ожогов, я собрала все оставшиеся силы и во весь голос закричала:

– Что, черт возьми, происходит?! Вы дадите мне спокойно отдохнуть или будете мучить меня до скончания веков?! Что я такого сделала, чтобы так издеваться надо мной? Оставьте меня в покое! Хватит того, что я ничего не помню!

Он возник из ниоткуда, просто появился посреди огнен-

ной массы, окружающей меня.

– Тебе здесь не нравится? – меня бесило ехидство, сквозившее в его словах. – Ты сердисься? Каждый, кто здесь находится, испытывает злость. Злость – это самое сильное чувство в мире. Оно может разрушать великие стены, убивать виновных и невинных. Злоба и ненависть правит в мире людей. Ты уже ощутила это на себе! Как жаль, что ты ничего не помнишь! Но я желаю поговорить с тобой! Ты не узнаешь меня?

– Нет. Мы встречались? – спросила я более спокойно, стараясь отрешиться от уже постоянно преследующей меня боли.

– О, да ты побеждаешь злость! Это мило! – мне даже показалось, что он улыбнулся. – Тебе не кажется, что я выгляжу немного странно?

– Это мягко сказано! – Действительно, вид у него был более чем странный. Он явно был человеком, но на лбу у него росли козлиные рога, вместо ступней были копыта, а кожа была настолько красного оттенка, что почти не отличалась от огня, окружающего меня. – Так мы встречались? – потребовала я ответить на мой предыдущий вопрос.

– Нет! Но я думал, ты узнаешь меня. Я не видел ещё никого, кроме тебя, кто не узнал бы меня.

Мне показалось, что существо, с которым я сейчас разговаривала, было немного обижено моим ответом. Мне захотелось его немного утешить.

– Я ничего не помню, – в который раз за сегодняшний день произнесла я эту фразу?

– Я знаю, – огорчённо сказал он, – но я думал, увидев меня, ты хоть что-нибудь вспомнишь...

– Может быть, вы мне поможете? – робко спросила я.

– Нет, Он не разрешил нам помогать тебе!

– Кто это Он?

– Он... Это Он, и всё! – рассердился мой собеседник. – Тебе велено вспоминать самой, вот и вспоминай!

– Подожди! – попросила я незнакомца. – Он дал мне понять, что я должна куда-то вернуться как можно скорее...

– Да?! – полуудивленно-полуутвердительно произнёс красный человек. – А что тут непонятного?

– Мне хорошо там, куда я попала... – попыталась объяснить я. – Там спокойно. И люди, которые меня приютили, они...

– Остановись! – незнакомец снова начал злиться. – Они даже постели тебе не постелили. А приютили они тебя, чтобы продать! Какая же ты наивная! Неужели ты не видишь, что ты... Чёрт побери! Нельзя же быть такой...

– Как продать? – перебила я его увещевания.

– Завтра увидишь! – расхохотался красный человек, медленно испаряясь прямо у меня на глазах...

Видение исчезло. Я снова скользила по межзвёздному пространству возле куба. Я взглянула на свои руки, покрытые волдырями от ожогов в тех местах, которых касалась

цепь. Мягкие невидимые пальцы снова прикоснулись ко мне, моментально излечив израненное тело.

Теперь я понимала ещё меньше. Что им всем надо от меня? Они появляются и исчезают, говорят загадками. Они в моём сне и вне него. Они перемещают меня из одного места пространства в другое. Может быть, я просто игрушка для них? Что я должна вспомнить? Почему я то сплю, то не сплю, то сама не понимаю, сплю я или нет. Что тут вообще происходит? Я просто хочу отдохнуть! Я напряглась и попыталась связаться со всеми, кто меня окружал, но кого я не видела:

– Если вам что-то нужно от меня, скажите мне и отстаньте. Я хочу выспаться!

– Отдыхай! – услышала я Его голос и поняла, что теперь уже никто не побеспокоит меня.

Я задумалась. Все они хотели, чтобы я вспомнила то, кем я являюсь сейчас или кем являлась ранее. Я им нужна. Но зачем? Они явно не люди. Те, кого я видела в деревне, очень сильно от них отличались и не имели таких физических и интеллектуальных возможностей. Очевидно, все они подчиняются тому, кого они, да и я тоже, называют Он. Хотя, может быть, я и ошибаюсь... Почему они так называют Его? Скорее всего, либо у Него нет имени, либо Он не удосужился сообщить своё имя кому бы то ни было. Он был горячим и слишком сияющим, но с Ним было спокойнее всего, как будто всё добро мира заключено в Нём. Те трое с зеркалами вообще не понятно кто, а последний... Даже думать о нем

неприятно, хотя... кроме внешнего вида и обжигающих цепей ничего особенно ужасного в нём и не было. Во всяком случае, красный человек в отличие от всех остальных хотя бы о чём-то стал со мной говорить. Что это чудище имело в виду, когда говорило, что люди, приютившие меня, хотят меня продать? И кому это я так сильно нужна, чтобы меня покупать? Красного, кажется, очень развеселила эта ситуация... Посмотрим, обрадует ли она меня...

Светящийся человек сказал мне, что у меня нет времени, и я почему-то верила Ему. Я знала, что не обязана была подчиняться, но добро, которое исходило от него, не давало мне возможности уклониться от Его повелений, даже если они были высказаны как просьба. Скорее всего, именно это заставляло подчиняться Ему и других. Но красный? Неужели добро властно и над ним? Почему тогда он выглядит так неприятно?

Я взглянула на куб, неотступно, как тень, следующий за мной. Сейчас я должна отдохнуть. Мне почему-то не показалось, что люди, которые приютили меня, дали бы мне спать сутками. Я очистила свой мозг, убрала все мысли и просто, не думая ни о чем, начала скользить вдоль всюду сопровождающего меня куба.

Глава 3. Разгадка

Чья-то рука трясла меня за плечо. Я попыталась скинуть эту руку. Но тот, кому она принадлежала, был явно очень настырным. Всем своим нутром я чувствовала, что не привыкла так просыпаться. Слишком резко. Но всё же я открыла глаза.

– Ну, дочка, так нельзя... – Марья Антоновна с укоризной глядела на меня. – Мы встаём с первым лучом солнца. Ты уже большая девочка, пора подниматься!

– Доброе утро! – я потянулась, затем села на свою лежанку и попыталась руками привести в порядок растрепавшиеся волосы.

– Пора приниматься за работу! – ласково улыбнулась противившая меня женщина.

Глядя на эту милую женщину, я не могла поверить, что она может продать меня кому-то. Может быть, красный обманул. Выглядел он неприятно... Да и... Я взглянула на запястья своих рук. Следы ожогов всё ещё болели.

– Что с тобой, девочка? – Марья Антоновна схватила меня за руки, разглядывая кисти. – Господи! – она в ужасе уставилась на меня. – Я не заметила этого вчера! Бедное дитя!

На глаза женщины навернулись слёзы. Мне стало немного не по себе оттого, что я заподозрила её в чем-то нелицеприятном. Подняв глаза и стараясь выглядеть как можно более

спокойно, я улыбнулась и попыталась её утешить:

– Ничего страшного! Это пройдёт. Мне почти не больно!

Но мои слова произвели прямо противоположный эффект. Женщина схватила две чистых салфетки, быстро намочила их и обернула запястья моих рук, затем внимательно посмотрела мне в глаза и серьёзно спросила:

– А теперь объясни мне, кто мог такое сделать с тобой, девочка?

Что я могла ей сказать? Что во сне мне явился неведомо кто, заковал меня в цепи и рассказывал всякие небылицы о ней и её муже? Я молча смотрела на женщину, не опуская взгляда, и продолжала глупо улыбаться. Марья Антоновна покачала головой.

– Конечно! Ты же ничего не помнишь, девочка моя! – обречённо произнесла она. – Где-нибудь ещё болит?

Я решила не говорить ничего об ожоге на локте и ссадине на затылке и отрицательно покачала головой.

Теперь от стыда я уже готова была провалиться сквозь землю. Как я могла хоть на секунду заподозрить эту сердобольную женщину в таком низком поступке? И кому я поверила? Интересно, я всегда так плохо разбиралась в людях?

– А где Иван Никонорыч? – я внимательно оглядела комнату, желая перевести разговор на другую тему и отвлечься от внезапно нахлынувших на меня угрызений совести.

– Иван Никонорыч? – женщина удивлённо посмотрела на меня. – Сейчас лето, ему нужно работать. Летом всегда очень

много работы.

– Работать? – мне почему-то не представлялось, что может делать с утра пораньше тот грузный мужчина, который вчера принёс меня, бесчувственную в свой дом.

– Работать! – Марья Антоновна с улыбкой погладила меня по голове.

– Как это – работать? – робко решила поинтересоваться я.

– Все работают, – рассмеялась женщина. – Вот, например, ты. Что ты умеешь делать?

– Не знаю... – непроизвольно пожав плечами ответила я, а затем добавила: – Но я научусь!

– Научится она... – с улыбкой проворчала моя хозяйка. – Дом приберёшь. Похлёбку приготовишь. Приду – разберёмся. Платок надень! – женщина протянула мне косынку.

– Какую похлёбку? – я быстро повязала платок себе на голову.

– О господи! Горе на мою голову! – Марью Антоновну почему-то очень развеселили мои слова. – Дом прибери. Похлёбку сама сделаю! Когда приду.

Она вышла, и я осталась одна.

Прибрать дом... С чего начать?

Пол был земляной. В углу стоял связанный пучок прутьев. Я взяла его и стала аккуратно выгребать пыль и грязь из всех углов избы. Через некоторое время я добилась некоторых успехов, хотя пол по-прежнему казался мне грязным. Но, по всей вероятности, земляной пол чище сделать нельзя.

Далее... Окно. Оно очень мутное. Я подошла к окну. Что это? Это не стекло! Это что-то больше напоминающее полиэтилен. Я дотронулась рукой до пленки в оконном проёме. Нет! Не полиэтилен...

Стоп! Внезапно меня осенило. Стекло. Окно должно быть из стекла. Полиэтилен. Я старалась оставить в памяти вспомнившиеся мне термины. Слова, значение которых, возможно, неизвестно здешним жителям. Итак, окно. Я ещё раз потрогала неизвестное мне вещество, натянутое на том месте, где должно быть стекло. Да... Его мыть бесполезно!

Я стёрла везде пыль и села на лавку, внимательно осматривая дело рук своих. Мне казалось, что чище в доме не стало, но... я мало представляла, что тут ещё можно предпринять.

А делать мне больше было нечего. Я бы приготовила похлёбку, но не знаю ни как это нужно делать, ни вообще значения этого слова.

– Похлёбка, – произнесла я вслух. – По-хлёб-ка... – повторила я, растягивая это слово.

Внезапно дверь отворилась, и на пороге показался один из тех ребятишек, которые вчера потешались над моей беспомощностью.

– Что похлёбка? – он с удивлением уставился на меня.

– Доброе утро! – поздоровалась я с мальчиком.

– Доброе! – обрадовался он. – Только уже день.

Мальчишка прошёл в избу и сел на табурет.

– А чего это ты про похлёбку вспомнила? – мальчик взял со стола круглый деревянный предмет и стал катать его по своей ладони. – Голодная что ли?

– Марья Антоновна сказала, что я могу сделать похлёбку, – начала объяснять я. – А я не знаю, что это такое.

– А-а-а! – протянул ребёнок.

Мне было интересно наблюдать за его действиями. Я поймала себя на мысли, что, наверное, давно не видела детей. Скорее всего, там, откуда я пришла, их не очень много, если вообще они там были...

– А это правда, что ты вообще ничего не помнишь? – мальчик поднял на меня свои карие глаза.

Это выглядело так трогательно, что я улыбнулась. На его губах засияла ответная улыбка. Я утвердительно качнула головой, безмолвно отвечая на его вопрос.

– А я знаю, как надо делать похлёбку! – похвастался он. – Хочешь, я тебе покажу?

Я снова кивнула.

Мальчик схватил табуретку, пододвинул её к стене, на которой висел деревянный ящик с дверками.

– Смотри! – подозвал он меня.

Я поднялась со своей лавки и подошла поближе. Внезапно табурет покачнулся, и я едва успела подхватить ребёнка, чтобы он не свалился на пол.

– А ты сильная! – с восхищением произнёс он. – А на вид такая... – мальчик запнулся.

– Какая? – шутливо потребовала я продолжения.

– Хлипкая... – подобрал слово ребёнок. – Чего это у тебя руки замотаны? – вдруг заметил он салфетки у меня на запястьях. – Поранилась что ль?

– Вроде того! – рассмеялась я, сажая мальчишку на табуретку, с которой он чуть не свалился минуту назад. – Но мне уже не больно! – добавила я.

– А чего тогда тряпками обмотала? – удивился ребёнок.

– Это Марья Антоновна мне сделала перевязку, – опустившись на колени возле табуретки, на которой сейчас сидел мой юный собеседник, я внимательно посмотрела в его лицо, стараясь запомнить его черты.

– А разве может человек всё забыть? – задал он новый вопрос.

– Ну я же забыла! – мне очень захотелось пригласить лохматую шевелюру мальчишки.

– Ты вчера так потешно пыталась достать воду из колодца! – размахивая ногами, достающими до пола, ребёнок осматривал избу. – Ты где спала? – вдруг спросил он.

– На лавке, – я села рядом с табуреткой.

– А-а-а! – снова протянул он. – А ты тут надолго?

– Не знаю! – пожала я плечами. Внезапно я вспомнила светлого человека в туннеле и добавила: – Наверное, нет!

Я чувствовала, что ребёнок ещё что-то хочет спросить у меня, но, по всей вероятности, стесняется. Мальчик немного помялся, а затем всё же задал интересующий его вопрос:

– А как это у тебя получилось?

– Что? – я искренне не понимала, куда он клонит.

– Ну вчера... – он почесал щеку. – С бабочкой.

– А это! – рассмеялась я. – Очень просто! Она сама вспорхнула мне на руку. Самое сложное было – не спугнуть её, пока я шла к скамье.

– А мне на руки бабочки никогда не садятся... – грустно протянул ребёнок.

– Так иногда бывает! – фраза прозвучала несколько глупо, но я не знала других слов утешения.

– Ну ладно, мне пора! – мальчик спрыгнул с табуретки. – Продукты в шкафу, – он деловито указал рукой на открытые дверцы. – Там всё есть для похлёбки!

И ребёнок прошмыгнул в дверь, тихонько прикрыв её за собой. Я поглядела на открытые дверцы шкафа, вздохнула, встала с пола и закрыла висящий на стене ящик. Какая разница, если я всё равно не знаю, как именно нужно делать похлёбку...

Пододвинув табурет к деревянному столу, я села и оперлась локтями о столешницу, затем, положив голову на руки, стала вспоминать своё ночное приключение. Этот куб... Он несёт информацию. Очень важную, постоянно ускользающую от меня информацию. Я должна найти путь, проход внутрь этого непонятного для меня сооружения... И все эти люди, кто они? Я думала, думала, думала. Но, как назло, ни одна здравая мысль не посетила меня. Только начала болеть

голова. Я не могла сделать ни одного вывода из увиденного мною этой ночью. Я что-то знала, должна была знать! Что-то такое, что для меня, да и не только для меня было особенно важным в этот момент. Я это чувствовала, ощущала всем своим нутром... Но... это что-то постоянно ускользало от меня, оставаясь чуть-чуть в стороне, как тот куб, который, не переставая, играл со мной в загадки... Мне было абсолютно очевидно, что я резко отличаюсь от тех людей, с которыми мне довелось встретиться в эти два дня. В чём тут дело? Я должна была понять... Не получается... Никак...

Вошла Марья Антоновна.

– А ты довольно быстро справилась! – улыбнулась она мне. – Ты не голодная? – я отрицательно замотала головой. – Пошли!

Внезапно передо мной снова возникла физиономия красного. Мне стало не по себе. Я с недоверием взглянула на женщину, но вспомнив вдруг, как отнеслась она ко мне и вчера, и этим утром, вновь устыдилась своих подозрений на её счёт.

Я встала и послушно поплелась вслед за ней. Где-то в глубине подсознания я ощущала, что отлично знаю о цели нашего путешествия. Я гнала воспоминания о словах красного человека от себя прочь, но мысль о том, что вскоре меня могут продать, никак не давала мне покоя, возвращаясь ко мне снова и снова. По всей видимости, красный отравил мою душу подозрением. Вчера я была практически уверена, что эта женщина и её муж добровольно приютили меня в своём

доме. Но теперь... Внезапно мной завладела паника. Я могла бы убежать... Но зачем? И куда? Снова идти вдоль берега неизвестной мне реки, разговаривая лишь с дикими животными? Я взглянула на Марию Антоновну. Та сосредоточенно шагала в выбранном направлении, крепко схватив меня за руку и не глядя в мою сторону.

– Куда вы меня ведёте? – попытавшись выдернуть руку, спросила я её.

Женщина вздрогнула от звука моего голоса и остановилась, уцепившись за меня ещё крепче. Оглянувшись, Мария Антоновна резонно произнесла:

– Какая тебе разница? Ты же всё равно ничего не помнишь!

Её ответ показался мне мало убедительным, почему-то мне не очень хотелось, чтобы меня куда-то вели против моей воли. Сейчас у меня практически уже не было никаких сомнений в том, что красный не обманул меня. И чем сильнее мне хотелось отогнать от себя эту мысль, тем крепче она укоренялась в моём сознании. Внезапно одна догадка так сильно поразила меня, что я остановилась, как вкопанная, несмотря на тупую боль в запястье, за которое, наверное, забыв о моих ранах, ухватилась Мария Антоновна.

– Как вы меня нашли? – задала я интересующий меня вопрос.

– Ты шла по дороге и упала, – настороженно ответила Мария Антоновна. – Увидев это, мой муж поднял тебя и отнёс

в избу.

– Бежала! – тихо поправила я.

– Что? – Марья Антоновна ещё крепче уцепилась за мою руку, отчего раны заныли ещё сильнее.

– Идёмте! – вздохнула я, отвернувшись, и сама первой продолжила путь.

Я старалась отвлечься от неприятных мыслей, уделяя как можно больше внимания окружающему.

Мы шли по деревянной мостовой к огромной белой стене, возвышающейся над холмом явно не природного происхождения. Прямо перед холмом был вырыт ров, почти до краёв заполненный водой. Углы перекинутого через ров моста были соединены с воротами металлическими цепями. По всей вероятности, этот мост можно поднимать.

Мой мозг интенсивно работал. Он набирал новую информацию. Скорее всего, стена, ров и мост нужны, чтобы защитить жильё, расположенное за стеной. Но от кого? Кто может покуситься на чужое жильё? Значит, есть тот, кто может и кому это надо. Зачем? Либо у него нет своего жилья, либо ему одного мало. Скорее всего, своё жильё у него есть. Иначе, как он мог бы отобрать это? У него есть сторонники или рабы. Стоп! Новое понятие из прошлого. Рабы. Раб – это кибернетический механизм, созданный человеком для того, чтобы помогать ему. Но я не видела здесь никого, кто мало-мальски напоминал бы раба. Хотя, возможно, здесь они более усовершенствованы. Человек, имеющий рабов, не мо-

жет не иметь жилья. Рабы построили бы его. Хотя, возможно, у него нет места под жильё. Нет, бред! Как может человек иметь рабов и не иметь жилья? Полная чушь! Скорее всего, здесь иные нравственные ценности, не понятные мне. Надо разобраться со всем этим и изучить здешних людей. Возможно, понятия, возникающие у меня в мозгу, вовсе не из моего прошлого. Не надо никому об этом говорить, пока сама не пойму что к чему. Итак, решив для себя, как я должна себя вести, я переступила границу крепости.

* * *

За воротами, которые мы прошли, в два ряда стояло множество сооружений, напоминающих комнаты, каждая из которых была без одной стены. На месте отсутствующей стены находилось нечто очень похожее на стол. В каждом сооружении копошились один или два человека, которые раскладывали на столах самые разнообразные предметы. Не задерживаясь, мы прошли эти ряды. Далее стояли большие сооружения, некоторые из которых напоминали дома, но явно не были предназначены для жилья, а другие, похоже, были жилищами. Дома эти были намного больше той избушки, в которой я ночевала этой ночью, но всё же подспудно я чувствовала, что видела здания и побольше.

У меня не было времени пытаться вспомнить что-либо. Я прекрасно понимала, что для этого необходима полная концентрация, а здесь сконцентрироваться было невозможно. Слишком много народа, слишком много препятствий, слиш-

ком много шума. Обрывки воспоминаний возникали из ниоткуда и уходили в никуда. Я не могла их сложить воедино, даже зацепить и оставить кусочек на потом, чтобы обдумать, проанализировать в тишине и уединении.

Мы подошли к порогу самого большого здания внутри крепости. Крепость... Откуда я знаю, что это такое? Некогда думать. Нет времени. Возможно, посидев немного в тишине, я и смогла бы что-либо вспомнить. Хотя навряд ли. Мне нужен был толчок. А этот толчок как раз и давал шум улицы, люди, дома. Это было напоминанием того, что я когда-то видела. Возможно слабым... Но всё-таки напоминанием.

Марья Антоновна взялась за большое кольцо на металлической двери и громко постучала им о специальную дощечку, на которую это кольцо было прикреплено. Дверь медленно открылась.

“Какой интересный механизм” – промелькнуло у меня в мозгу. Но тут же я увидела стоявшего по ту сторону двери мужчину. Он, наверное, её и открыл. “Значит там, где я жила, двери открывали не люди”, – попыталась я застолбить убегающую от меня мысль.

– Скажи барину, что я привела её! – не глядя на меня, сообщила человеку за дверью Марья Антоновна.

Человек ушёл, прикрыв за собой дверь. Мы остались на пороге. Я не хотела больше беседовать со своей хозяйкой. Скорее всего, больше я её и не увижу. Хотя здесь я могу ошибиться... Мне было очень больно от осознания того, что

для неё я не более, чем товар, который нужно подороже продать. Я не могла просто взять и отбросить от себя те чувства, которые я начала испытывать к этой женщине. Перед глазами стояло её встревоженное лицо в тот момент, когда она увидела раны на моих руках. Почему она сейчас так поступала со мной? Я уже свыклась с мыслью, что буду жить в том деревянном доме, куда забросила меня судьба, в окружении любящих меня людей, единственных, кто... Вздохнув, я оглянулась, стараясь сосредоточиться только на созерцании окружающего меня, чтобы унять ту душевную боль, которую причиняли мне мысли о действиях мужчины и женщины, которых я могла бы уже сейчас назвать дорогими моему сердцу.

...Люди, кругом люди, очень много людей. Многие подходили к странным домикам без стен и беседовали с теми, кто находился внутри. Затем либо передавали что-то им, а те отдавали разложенные на столах вещи, либо, видимо, ни о чём не договорившись, уходили к другим домикам.

Мой разум снова включился.

Эти люди. Они отдают владельцам странных домиков какой-то эквивалент ценности (все они передавали им маленькие плоские металлические диски). И за этот эквивалент получают то, что им необходимо. Так они обмениваются вещами. Но почему так? Почему бы им просто не поменять то, что у них есть на то, что им нужно. И на этот вопрос мой разум нашёл ответ. Возможно, у них нет того, что нужно тем,

кто имеет необходимые им вещи. Поэтому люди ввели некий эквивалент ценности и пользуются им. Очень интересно... Значит, чем больше человек имеет этих металлических кружочков, тем более вероятно, что он приобретёт все те ценности, которые он хочет иметь. Мне бы тоже не помешали такие кружочки. И чем больше, тем, наверное, было бы лучше. Как бы узнать, как они называются и где их можно взять? Работа... Марья Антоновна что-то говорила про работу... Вероятно, нужно работать, чтобы получить эти кружочки. Я не могу отдать ничего, что нужно было бы этим людям в обмен на кружочки, потому что у меня ничего нет, но, возможно, им нужно что-то, что я сумела бы сделать. Только одна проблема... Я не помню, что я умею делать. Возможно, я смогу научиться чему-то новому. Если бы я могла иметь хотя бы одного раба... Но... как бы мне самой не стать здесь рабом...

Мои мысли прервал звук открывающейся двери.

– Пусть она войдёт! – донеслось из тёмной прихожей.

– А мои деньги? – Марья Антоновна выглядела разочарованной.

– Получишь позже! Иди!

Красный был прав... Он не обманул меня, как я считала вначале. Меня продали! Я обречённо посмотрела вслед удаляющейся женщине, подбравшей и приютившей меня. Она даже не оглянулась, чтобы проститься со мной. Глупо! Глупо было думать, что я могла просто понравиться этим людям. Я вздохнула и повернулась к купившему меня человеку.

“Значит, эти кружочки называются деньгами”, – пронеслась мысль. В памяти начало вырисовываться новое воспоминание, но мне некогда было его зафиксировать – человек, который открыл дверь, велел мне идти за ним.

Я вошла в светлую, освещённую со всех сторон комнату. Здесь уже окна явно были из стекла. На стенах, обитых какой-то тканью, весели полотна с изображениями неизвестных мне мужчин и женщин. Мягкая, зовущая отдохнуть мебель, стояла внутри помещения.

“У хозяина этого дома, вероятно, достаточно денег”, – подумалось мне.

Я оглядывала комнату, вглядывалась в полотна. Люди на них были подобно живым. На одной из картин была изображена женщина, сидящая на скамье в лесу. Мягкая, прозрачная ткань шарфа нежно окутывала её обнажённые плечи. Сумеречный лес... Деревья... Какое-то воспоминание промелькнуло в моей памяти... Не могу вспомнить... Полный запрет... Картина притягивала меня. Эта женщина, лес... Где я их видела? Что-то близкое, родное было в этой картине. Деревянная рамка, покрытая золотой краской. Как всё это знакомо... Господи, что же со мной случилось?

В комнату вошли мужчина и женщина. Женщину я не знала. А вот мужчина... Это был тот самый господин, которого я встретила в лесу верхом на лошади. Так вот кто купил меня! Зачем? Страх парализовал все мои органы. Неужели я больше никогда не смогу стать свободной? Там, на дороге

он просто бросил меня в ужасно плачевном состоянии. Тогда я изнемогала от усталости и голода, и вряд ли он этого мог не заметить. У меня возникло огромное желание спрятаться, испариться, вжаться в стену, возле которой я стояла. Видимо, заметив ужас в моих глазах, он улыбнулся мне так же, как при последней нашей встрече, а потом обратился к своей спутнице:

– Да, именно про неё я говорил тебе. Это её я вчера встретил на берегу. Она говорит, что не помнит своего имени, выглядит как оборванка, но посмотри на её руки!

Машинально я взглянула на свои руки. И что они все привязались к моим рукам? Нормальные руки. Длинные, ровные пальцы. Аккуратно обработанные ногти. У той женщины, которая привела меня сюда, руки были менее ухожены.

– Андрей! Смотри! Она понимает нас! – удивлённо воскликнула женщина.

– Мадмуазель, вы говорите по-французски? – быстро спросил меня мужчина.

– Я не знаю, мосье, – робко подала я голос.

– Вы не знаете, на каком языке говорите, милое дитя? – удивилась женщина.

– На каком языке говорю, мадам? – я ошарашено переводила взгляд с человека, встреченного мною в лесу на его спутницу, всё более и более пытаюсь вжаться в стену за своей спиной.

– О Боже, да у неё амнезия! – женщина подошла ко мне

поближе и посмотрела мне прямо в глаза. – Что произошло с вами, дитя моё?

– Я бы сама хотела это знать! – не отводя взгляда, ответила я.

Зачем же я им понадобилась? Я не могла унять панику. Срочно нужно было успокоиться! Возможно, в этом мире людей используют как рабов? Нет! Так можно сойти с ума... Мужчина и женщина улыбались. Наверное, их должно забавлять моё состояние.

– Я думаю, вам следует остановиться у нас, — резюмировал мужчина. – Как называть вас?

– Та женщина, которая привела меня, Марья Антоновна, назвала меня Еленой. Другого имени я не знаю.

– Хорошо, пусть будет Елена. Я – князь Андрей, а супругу мою зовут Елизавета. Архип! – В комнату вошёл коренастый человек средних лет. – Проводи барышню в её апартаменты. Она, верно, устала. Мы позовём вас к завтраку, – обратился он уже ко мне.

– Спасибо! – я не нашла более, что ответить этому человеку.

Архип шёл передо мной, а я послушно плелась следом. Слуга открыл дверь, пропуская меня вперёд. Я вошла. Дверь закрылась, щёлкнул замок... Оказавшись взаперти, я немного пришла в себя. Наверное оттого, что никого рядом не было, страх медленно начал отступать.

Итак, я пленница. Комната была просторна, под балдахни-

ном стояла мягкая кровать. Около стенки – шкаф. На обитых шёлком стенах в золотых рамах красовались портреты неизвестных мне людей. Пол выложен мягким ковром. Я подошла к окну и распахнула его. “Надо же, стекло, – промелькнула мысль. – Какая красота!” Белоснежные облака плыли по нежно-голубому небу, яркие краски зелени вдалеке манили к себе... Я взглянула вниз. Моя темница находилась метрах в десяти над землёй. При желании можно было бы сбегать, но зачем и куда?

Итак, что мне делать? Сейчас я одна и свободно могу распоряжаться тем промежутком времени, который отвели мне хозяева этого дома. Те люди из сна пытались меня предупредить о чем-то грядущем. Они говорили, что я должна найти себя и свой мир. Он тоже говорил об этом, и Его голос звучал в моей голове громче всех, хотя во сне он был самым тихим.

Я потрогала затылок. От раны осталась небольшая ссадина. Не было никаких сомнений, что ничто из произошедшего со мной ночью не было сном. Я действительно была там. Почему Он не вылечил меня до конца? Ведь Он мог, я знала это, Он мог. Но, скорее всего, Он хотел, чтобы я ощутила реальность ночных событий. Я закатала рукав и посмотрела на место, которым прикоснулась к стене. Следы ожога тоже не исчезли, но болели не очень сильно, как будто это произошло уже недели две назад.

Я вспомнила ещё кое-что. Он испускал столько света и тепла в туннеле, что подходить к Нему было опасно, но Он

ведь дотронулся до моей головы, прикасался к моим рукам, и в этот момент я не почувствовала ничего, кроме облегчения. Это было бы не странно, если бы это был сон, но теперь я была более чем уверена в реальности произошедшего со мной ночью. Итак, я должна понять. Но что я должна понять? Есть загадка. Должна быть отгадка. Это как ребус. Слабая мысль родилась у меня в голове.

– Да! Конечно! – произнесла я вслух.

Подчиняясь инстинкту, я села на пол в позу “лотоса” и закрыла глаза. Каким-то шестым чувством я понимала, что именно мне нужно было делать сейчас. Всего пятнадцать минут, больше не надо. Я заперта, меня никто не побеспокоит...

Тело медленно расслаблялось... Я искала луч, который поведёт меня за собой, наполнит меня божественной силой... Звезда над моей головой... Я коснулась её света, концентрируя пойманную нить, увеличивая её диаметр и поглощая энергию информационного поля планеты, и, наполнившись до критической массы, я отделила свой астрал и послала его с невероятной скоростью на поиски загадочного куба.

Через мгновение я уже стояла возле него, и в руках у меня была энергетическая нить, порвать которую могла лишь моя воля. Мне было уже известно, что это вовсе не куб. Это сооружение не могло быть кубом: стенки внутри стенок, загадка, ребус – лабиринт! Лабиринт, который я должна пройти. Не надо пытаться пройти сквозь него, надо просто найти

проход внутри... Я превратила маленькую нить в моих руках в огромный пучок света и осветила куб со всех сторон. Грани его заиграли всеми цветами радуги. Но вот небольшая щель, она перемещается вдоль стенок, пола и потолка лабиринта. В каждый момент она в новом месте. Должно быть, это вход. Я должна уловить момент, когда он будет напротив меня. Ещё чуть-чуть... Немного подождав, я уменьшила свой астрал так, что смогла быстро просочиться в щель.

Итак, я внутри. Изнутри куб был совсем другим. Стены с вкраплением какого-то неизвестного мне камня сияли потусторонним светом. Я не могла определить, какой цвет имели эти камешки, ибо они постоянно меняли свои оттенки. Я потрогала стенку. Откуда-то из недр стены исходило тепло. Потолок и пол ничем не отличались от стен. Лишь несколько секунд я могла изучать это великолепие, затем куб резко повернуло, и он закружился так, что я уже не могла отличить пол от стен или потолка. Когда верчение остановилось, я оказалась в полной невесомости. Я увидела множество часов, возникших со всех сторон. Нет! Это не часы... Это секундомеры. И они уже начали свой отсчёт. Итак, время моё внутри куба ограничено, и, если я не смогу дойти до центра лабиринта вовремя, возможно, я не смогу пройти его никогда. Ну, тогда вперёд...

Я полностью доверилась интуиции и полетела навстречу внутреннему зову, каким-то образом исходившему из самой сердцевины лабиринта, что-то внутри меня прошептало “на-

право”, я повернула, “вниз” – полетела вниз, “вперёд” – просочилась в щель, “направо”, “налево”, “вверх”... Казалось, прошла целая вечность. Я летела по нескончаемым переходам, падала, взлетала, поворачивала, поворачивала, снова падала, пока не влетела в небольшую уютную комнатку. Я упала на пол. Состояние невесомости исчезло вместе с дверью, через которую я вошла. Встав, я увидела именно то, что искала.

“ЗДЕСЬ!!!” – поняла я.

В центре, на каменном возвышении в хрустальном сосуде был маленький светящийся огонёк, я подошла к нему, и руки помимо моей воли потянулись к его манящему свету... Как только я коснулась хранилища огонька, оно рассыпалось, не оставив после себя ни осколка, ни даже песчинки, я дотронулась до мягкого прозрачного язычка пламени... Он не обжёг меня, нет! Информация... это была информация... я впитывала информацию, как губка впитывает воду, картины прошлого возвращались ко мне, мой дом... мои друзья... моя работа... Я ощущала тепло любви, понимания и счастья, окружающие меня всю мою жизнь. Я вспоминала далёкое и близкое, я вспомнила предательство. Да, Он был прав, я сама заключила себя сюда. Я сама построила этот куб в надежде, что когда-нибудь разгадаю его загадку. Я сама испарила себя там и регенерировала своё тело в этом месте, за многие тысячи лет от своего дома, дома, в котором сейчас поселился предатель. И только я сама должна была вернуть себя себе.

Но эти люди, которые приходили ко мне во время моего сна... Их я не вспомнила, их не было в моём прошлом никогда. Я ни разу не встречала их ранее. Своим разумом они явно превосходили любое живое существо, видимое мною за все мои нескончаемые жизни. Особенно Он. Старые детские сказки... Библия... Неужели всё это существует – бог, сатана. А та троица? Это не могло быть святой троицей! Кто они? Зеркальная комната? Я думала, что смогу разгадать загадку этих людей, когда верну свою память, но загадок стало ещё больше. Я оглянулась. Маленькая, уютная комнатка, созданная мною как хранилище моих мыслей, ограниченная нескончаемым лабиринтом, найти вход в который было почти невозможно. Пора выбираться!

Я приложила небольшое усилие и куб раскрылся, словно цветок лотоса, все вокруг сияло, я снова была в потоке... Стоп! Сейчас нет времени наслаждаться. Я повернулась, схватилась за луч и вернулась к своему телу...

Тело медленно обретало силу. Я открыла глаза. Тот, от кого я успела скрыться, не знает, где я. Неимоверным усилием воли я выпала из-под его контроля, а затем сама отправила себя в мир, которого для него не существует. Я просто-напросто исчезла, не позволив Михаилу Викторовичу взять все, что было ценного в моей голове. Но и то, что он взял, могло свести его с ума. Сейчас, вероятно, он уже приобрёл множество сторонников. Я была уверена, что для этого человека не составило труда рассказать обо мне какую-нибудь

небылицу, тем самым настроив против меня весь мир.

Итак, я в несуществующем времени, в несуществующем месте... или же всё это реальность? Скорее всего, он догадался о том, в каком я времени, но не успел вычислить место, в его расчётах оно должно было быть иным... Я сама запутала его, изменив в последний момент вероятностный пункт назначения. Значит, меня ищут, меня просто не могут не искать, и поиски эти ведутся отнюдь не моими друзьями.

Должен быть жучок. Он должен был поместить его на меня на всякий случай, если мне удастся вырваться. Ему бы не хватило ума встроить жучок в мой организм... Скорее всего, жучок в волосах. Мне нужен этот жучок... А ещё мне нужно чем писать и на чём писать, вряд ли здесь мне предоставят портативный компьютер.

Я услышала приближающиеся шаги, щелчок замка и обернулась на звук открывающейся двери. Архип стоял в дверном проёме:

– Завтрак подан, сударыня, – сухо произнёс он.

– Я слеую за вами, Архип, – подражая его тону, ответила я.

Во мне больше не было страха. Теперь меня даже несколько забавляла ситуация с моей продажей. Сейчас я воспринимала всё совершенно иначе, чем некоторое время назад. Случилось то, что случилось. И тут уже ничего нельзя было предпринять. Я больше не испытывала досады ни на Марию Антоновну, ни на её мужа. Вспомнив историю средневеко-

вья, я поняла, что произошло со мною на самом деле. Скорее всего, князь, встретивший меня в лесу, послал мне навстречу крепостных, пообещав заплатить им за то, что те доставят меня в его дом. Что они в общем-то и сделали. Я заинтриговала его ещё на дороге. Очевидно, что я мало напоминаю сбежавшую крестьянку, но одета я была именно в крестьянскую одежду. Также очевидно, что у князя достаточно крепостных, чтобы он хотел себе приобрести ещё одного раба. Но почему же тогда они заперли меня? Возможно, из-за того, что ситуация явно меня испугала... Возможно они решили оградить меня от себя самой... Но в этом случае могли бы хотя бы немного меня успокоить, а не потешаться над моими страхом и беспомощностью.

Я шла по широкому коридору вслед за коренастым слугой. Я только что покинула этот коридор, будучи испуганной маленькой девочкой; теперь всё здесь воспринималось мной по-другому. Я вспомнила! Я вспомнила всё! Я знала, как называются вещи, стоявшие вдоль стен, я знала, кто написал картины, висевшие на стенах. Я вновь взглянула на женщину в полупрозрачном шарфе, изображённую на одной из них. Да! Именно эта картина с самого детства висела в моей спальне. Сумеречный лес, изображённый на ней, всегда манил меня своей глубиной и совершенством... Сейчас же я просто наслаждалась вновь обрётёнными знаниями и лелеяла их, как драгоценную крупицу.

Архип открыл высокую дверь и пропустил меня в про-

сторную столовую.

– Елена, вы выглядите посвежевшей. Вы, верно, немного отдохнули, – княгиня Елизавета сидела в конце длинного стола, покрытого вышитой золотом скатертью. Возле другого конца того же стола стоял её супруг и внимательно изучал только что вошедшую меня.

– Комната, которую вы мне приготовили, просто великолепна, отдыхать там – удовольствие, – с улыбкой ответила я, слегка поклонившись.

Княжеская чета удивлённо переглянулась. Должно быть, их озадачила столь резкая перемена в моём настроении. Первым непродолжительное молчание прервал князь.

– Приступим к завтраку, дамы! – он потёр руки, жестом пригласил меня садиться, сел сам и взял столовые приборы.

Архип пододвинул мне стул и стал позади меня. Мы начали трапезу.

Часть

II

. Адаптация

Глава 4. Гость в чужом мире

Во время завтрака князь и его супруга внимательно наблюдали за мной. Скорее всего, они думали, что я не замечаю их случайных взглядов в мою сторону, но я давно уже приобрела способность видеть даже затылком. По всей вероятности, они искали во мне признаки принадлежности к тому или иному классовому сословию. Я не обманула их ожидания. После того, как память вернулась ко мне, я вспомнила и все необходимые правила поведения в том или ином кругу. Так, мне прекрасно было известно, как и какими приборами пользовались за столом в средние века люди высшего сословья. Чувствовалось, что князь и княгиня были очень довольны моим поведением, хотя старательно пытались скрыть это от меня. Значит, я нужна была им именно как гостья, слуг у них было достаточно. Но, несмотря на это, они запирали меня в комнате как заключённого. Что же они задумали?...

– Где вы блуждали, дитя моё? – прервала общее молчание княгиня Елизавета.

Меня настолько удивил этот вопрос и стиль её обращения ко мне, что я подняла глаза от тарелки. Слава богу, вспомнив о том, где я нахожусь, я смогла сдержаться. Да, вернувшаяся ко мне память принесла не только массу старых знаний, но и присущую мне гордость, которая в данной ситуации ничего хорошего бы мне не принесла.

Она назвала меня дитём. Я действительно выглядела для них, как ребёнок. Не старше, чем их 18-летние девочки. И они не могли ничего знать ни о моём настоящем возрасте, ни о том положении в обществе, к которому я уже давно привыкла.

– Я очнулась в лесу и шла вдоль берега реки, пока меня не нагнал князь, – улыбнувшись и чуть наклонив голову, ответила я.

Это было совершенной правдой. Я знала, что подробности моего путешествия были бы излишни. Я также знала, что люди этого времени не умели повелевать животными. Даже не все в моём мире могли делать это, только единицы. Моим хозяевам не нужно было знать ни о моих возможностях относительно животных, ни о моих возможностях относительно людей.

– Нет, Елена, я спрашиваю не об этом. Как долго вы шли? Что произошло с вами во время вашего путешествия? Расскажите нам всё! – потребовала хозяйка.

– Я была как во сне и не представляла, где и как я шла. Я не чувствовала хода времени, просто шла вперёд, надеясь найти кого-то, похожего на меня. Мне было холодно и голодно. Я спала на голой земле, когда усталость подкашивала мне ноги. Проснувшись, я шла дальше. Я просто шла и всё!

– Вы не видели диких зверей?

– Господь уберёт меня от них! – я опять выкрутилась. Не солгав, я не сказала и правды.

Прислуга стала убирать со стола и накрывать десерт. Допрос продолжался.

– Неужели вы ничего не помните? – на этот раз подал голос князь. – Ни своего титула, ни своего имени...

– Я забыла абсолютно всё, – я не указала им время, когда забыла всё, поэтому снова не сочла свои слова ложью.

– Но что-то же вы помните!?! – воскликнула Елизавета.

– То, что не касается моего прошлого, я помню отчасти, – да, верно: того, чего я не знаю, я не могу помнить.

– Что же именно? – князь смотрел на меня с интересом.

– Я вспомнила, что животное, на котором вы скакали, называется лошадь, – ответила я.

Мой последний ответ не мог не вызвать смеха. Князь и княгиня старательно пытались сдерживать улыбки, но это у них плохо получалось. Обстановка за столом несколько разрядилась.

В этот момент был подан десерт, и мы снова принялись за еду. На некоторое время за столом снова воцарилось молчание. Мне хотелось уйти, чтобы остановить допрос, который, как я предполагала, должен был продолжиться чуть позже. Но уйти сейчас означало бы обидеть хозяев. Переводить тему разговора в другое русло я не решалась. Я помнила, что средневековые девушки были довольно скромны и никогда не заводили разговора сами, им позволялось только отвечать на вопросы старших по возрасту или титулу. И, если я хотела на время поселиться здесь, чтобы постепенно создать себе

возможность возвратиться домой, мне было просто необходимо придерживаться моральных устоев этого века.

На время размышления о ситуации, в которую я попала помимо своей воли, отвлекли меня. Задумавшись, я несколько ослабила бдительность. Итак, кто я или что я в этом мире? Раньше всё было понятно, теперь же моя жизнь начиналась заново. Точнее было бы сказать – новый виток жизни. Марья Антоновна назвала меня Еленой... Это имя, как ни странно, перешло из моей прошлой жизни в нынешнюю... Елена... Именно так называли меня там, откуда так бесцеремонно меня выкинула судьба. Теперь же я должна собраться с мыслями и продумать дальнейший план действий... Но... этот мир расхолаживал меня. Мне вовсе не хотелось строить планы. Мне нравилось здесь всё больше и больше. И лишь память об указаниях неведомых мне ранее существ, появившихся в моей жизни в тот момент, когда жители Андреевки нашли и приютили меня, подгоняла меня и вынуждала думать о необходимости дальнейших действий.

Мне не хотелось размышлять о том, что сейчас творится в моём настоящем мире... Я должна адаптироваться к новой жизни. Здесь нет ничего, к чему я привыкла, что недавно составляло основу моей работы. Здесь нет необходимых приборов и инструментов. Здесь нет даже электричества. Если я хочу вернуться, мне нужно всё создавать заново. Но это займёт слишком много времени! Внезапно в моей голове возник вопрос, так сильно поразивший меня, что я невольно урони-

ла ложку. А хочу ли я возвращаться? Кажется, никому, кроме меня самой, нет до этого дела...

Десерт уже подходил к концу, и мои мысли снова были прерваны князем:

– Мне кажется, – обратился он ко мне, увидев усталость за моей отрешённостью, – вам необходимо немного отдохнуть, – затем повернулся к слуге. – Архип, проводи госпожу в её покои!

Я встала и, поблагодарив за завтрак, пошла за крепостным.

После того, как щёлкнул замок на двери моей комнаты, я подошла к окну и распахнула его створки. Свежий воздух потоком ворвался в отведённые мне апартаменты. Я подвинула мягкое кресло к окну, залезла на него с ногами и, сняв платок, позволила ветру свободно обдувать моё лицо, шею и волосы. Запрокинув голову и отрешившись от всех мыслей, роем жужжащих в моей голове, я наблюдала быстрое движение белоснежных облаков по ярко-голубому июньскому небу. Облака летели всё быстрее, принимая самую причудливую форму. Мне в голову пришла мысль, что физически невозможно, чтобы облака двигались с такой скоростью. А их скорость увеличилась настолько, что я уже едва могла понять их очертания. И я уже больше ничего не видела, кроме этих летящих облаков. На мгновение мне показалось, что я сама лечу в необозримое пространство вселенной на одном из них. Мне больше не хотелось двигаться. Нега

медленно обволакивала моё тело, пока глаза мои не закрылись. Незаметно для себя я заснула.

...Он уже ждал меня там. Сегодня не было никакого туннеля, и свечение было не настолько ярким и жарким, как в прошлый раз. Теперь я легко смогла разобрать Его очертания, Он выглядел словно светящийся белым светом шар. Было такое ощущение, что Он неподвластен никаким физическим силам, действующим на всё вокруг. Он медленно спускался с белых облаков к подножью гор, у которых я очутилась, как только погрузилась в сладкую негу сна. Я сидела прямо на снегу и, задрав голову, наблюдала этот великолепный спуск. Что-то непонятное мне по мере Его приближения всей тяжестью всё больше и больше давило на меня, заставляя полностью подчиняться Его воле. Наконец, когда я склонила голову, выражая полную покорность, Он с грустью произнёс:

– Елена... Елена... Что ты творишь?

Я подняла на него взгляд, не понимая, что Он сейчас пытается мне сказать. Он мог приказывать, я была полностью в Его власти, но Он... либо Он оставлял мне выбор, либо я вообще ничего не понимала!

– Ты хочешь остаться!?! – продолжал Он полувопросительно-полуутвердительно. – Но ты не принадлежишь этому миру...

Я продолжала молча смотреть на светящееся существо, прекрасно понимая, что Ему не нужны слова. Он, как в рас-

крытой книге, читает не только мои мысли и тайные желания, Он полностью видит всё состояние моего духа.

– Елена... – снова произнёс Он моё имя. – Прислушайся к своему сердцу... Внимательно послушай, что шепчет твоя душа. Обида гложет тебя, но река времени унесёт твою обиду в небытие. Останется след... След, который нельзя смыть...

– Не понимаю! – вырвалось у меня.

– Возьми то, что по праву принадлежит тебе! – Он говорил со мной, но я, как маленький ребёнок, не могла понять самой сути того, о чём Он сейчас говорил.

– Что? Что принадлежит мне? – настаивала я.

– Ты сама и... весь мир!

– Не понимаю! – снова воскликнула я.

Но Его уже не было рядом. Вслед за ним медленно исчезло и то место, куда занесла меня Его воля; остался только Его голос, разносящийся в темноте:

– Придёт время, и ты поймёшь!

Я открыла глаза. Было такое ощущение, что я вовсе не спала, просто какая-то неведомая мне сила перенесла меня в далёкие, неизвестные мне земли, чтобы дать возможность поговорить с тем, кто ждал меня там. В теле всё ещё присутствовала та самая лёгкость, которая появилась незадолго до того момента, как я заснула. Что Он хотел сказать? Какой след? Я усмехнулась. Хорошо, хотя бы, что сегодня меня ничто не жгло, не палило и не било по голове. Я автоматически посмотрела на следы ожогов, оставленные цепями красного

человека...

Увиденное заставило меня вздрогнуть. Поднеся руки ближе к глазам, я с удивлением рассматривала свои запястья, там не было ни единого следа от шрамов, в предыдущую ночь обезобразивших мои руки. Но... сегодня Он даже не прикасался ко мне! Я резко провела рукой по затылку. Ничего! Закатала рукав... Ожога как ни бывало... Я не знала, услышит ли Он меня, но на всякий случай посмотрела на быстро летящие облака и мысленно поблагодарила Его за чудесное исцеление.

Немного придя в себя от последних событий, я подошла к двери и дёрнула за ручку. Не знаю, чего я ожидала? Наверное, нового чуда. Но чуда не произошло, дверь была по-прежнему на замке.

Итак, я снова заперта.

Зачем они держат меня здесь? Что им от меня нужно? Простое ли это праздное любопытство с их стороны или тщательно продуманный план? Возможно, они хотят мне помочь? Или чего-то боятся?

Есть ещё один вариант – я всё ещё в Центре регенерации... Хотя нет... это полная чушь! Михаил Викторович не додумался бы до этого. Пока он в эйфории от своей власти, но скоро, очень скоро он начнёт меня искать. Мне нужно найти жучок.

Я открыла шкаф, заглянув внутрь. Там висело лёгкое ситцевое платье. Я переоделась. Этот наряд был более удобен,

хотя и несколько не соответствовал моде этого времени. Затем я стала внимательно осматривать свою голову. Ну конечно, вот он! Я сняла жучок с одной из прядок на виске. Он мне пригодится в будущем, а пока я засунула его под подушку, не сильно надеясь, что это как-то уменьшит силу излучения, испускаемого им. Но на данный момент ничего лучшего я придумать не смогла.

Заглянув в окно, я посмотрела на чистое голубое небо. Облака ушли, ветер стих. Увидев в этом какой-то знак свыше, я улыбнулась, снова погрузилась в кресло и задумалась. Позволено ли мне выбирать? Внешне всё выглядело именно так, как будто выбор должна была совершить именно я, но... Внезапно истерический смех сдавил мои лёгкие. Нет! На самом деле выбора у меня не было. Он всячески пытался незаметно для меня подтолкнуть меня к правильным действиям. Или... всё же есть? Решив оставить этот непонятный для меня в данный момент вопрос на потом, я задумалась о более приземлённом.

Сейчас нужно было составить план, решить, как именно мне выбираться из этой ситуации. Мне ясно дали понять то, что это необходимо. Итак, сейчас абсолютно не важно, кто те люди, которые считают себя вправе распоряжаться моей судьбой. Возможно, позже этот вопрос прояснится. Сейчас необходимо понять, где я и как мне отсюда выбраться. Когда я решила послать себя сюда, я не задумывалась о том, что мне необходимо сделать, чтобы вернуться обратно. Ес-

ли быть откровенной с собой, то я вообще ни о чём не думала. Я просто пыталась уберечь свой мозг от разрушения. Мне нужны единомышленники – люди, которые по своей воле помогут мне вернуться домой. Я знала, что всегда умела руководить людьми, но как мне поступить в этой ситуации. Я заперта, и пока нет возможности устранить замок на моей двери и тем более наладить контакт с кем-то, живущем в этом мире и согласившемся бы оказать мне некоторые услуги. Начнём с того, что я должна хотя бы ненадолго ежедневно выбираться из этой комнаты на свежий воздух, иначе я тут зачахну...

Мои мысли были прерваны звуком извне. Ключ в двери повернулся. Архип распахнул дверь перед князем и ещё одним неизвестным мне господином.

– Я смотрю, вы уже освоились, сударыня, – князь с одобрением оглядел меня с ног до головы. – Простите меня, но предыдущий наряд вам не очень шёл, – милая улыбка князя смягчала некоторую грубость последнего замечания; выждав паузу, он продолжил: – Прошу прощения за ваше временное заточение, но нам с супругой не хотелось бы, чтобы вы начали снова скитаться в поисках себя.

Да, это было хоть какое-то объяснение, и мне ничего не оставалось, как вежливо поклониться в знак согласия с разумностью решения моих хозяев.

– Мы вызвали вам доктора, – князь указал рукой на незнакомого господина, тот слегка наклонил голову. – Прошу вас,

побеседуйте с ним.

Князь вышел, оставив нас с доктором наедине.

– Доброе утро, сударыня! – доктор улыбнулся мне, затем прикрыл окно.

– Здравствуйте, доктор! – я наблюдала, как он переставлял кресло и стул, появившийся в углу комнаты, пока меня не было.

Он расставил их так, чтобы человек, сидящий в кресле был хорошо освещён. Другой же при этом должен был оставаться в тени. Таким образом, я не ошиблась, заняв именно кресло.

– Его светлость сказал мне, что вы потеряли память, – как только я устроилась, начал врач. – Это очень редкое явление, что человек не помнит даже своего имени. По всей вероятности, что-то произошло с вами. Что-то такое, что могло вызвать такую реакцию с вашей стороны. Я буду наблюдать вас. И надеюсь, что смогу вам помочь.

Я молча слушала врача. Он не мог знать, что абсолютно не в силах оказать мне какую-либо помощь. Кто угодно, только не он! Скорее всего, помочь мне в этом мире не сможет ни один человек, хотя некоторые услуги, возможно, были бы кстати... Так что помощи с его стороны я ожидала менее всего...

– Я с удовольствием приму вашу помощь, – ответила я, любезно улыбнувшись. – И мне бы это было тем более приятно, если бы я знала ваше имя.

– Простите, дитя моё, я не представился! – Он слегка при-
встал и вежливо поклонился. – Сергей Сергеевич.

Я, не вставая, поклонилась в ответ. Приличия были со-
блюдены.

Первый же взгляд на этого человека дал мне возможность
понять, что его биоэнергетическое поле было намного сла-
бее моего. Я смогу его целиком и полностью контролиро-
вать. Сейчас мне просто нужно было выяснить ряд вопро-
сов так, чтобы об этом не догадались ни мои тюремщики,
ни Сергей Сергеевич. И ситуация с доктором пришлась как
нельзя кстати. Я никогда не любила влезать в личные мысли
других людей, но я должна была знать намерения моих хозя-
ев относительно себя. Я просто не могла позволить ситуации
выйти из-под моего контроля, слишком долго я контролиро-
вала абсолютно всё, происходящее вокруг меня. И я реши-
лась... За стеной никого нет, это я знала, просто чувствова-
ла. Итак, начнём. Я сконцентрировалась и дала мысленную
команду... Его глаза медленно помутнели, и как только я по-
чувствовала, что контакт был установлен, я задала первый
из интересующих меня вопросов:

– Сергей Сергеевич, где я и когда?

– Что значит – когда? – не понял он.

– Я не знаю ни времени, ни места своего нахождения, –
пояснила я.

– Вы в Андреевке, поместье нашего князя, сегодня 18
июня 1754 года от Рождества Христова.

– Почему меня заперли? – задала я следующий вопрос.

– Как князь сказал... – начал своё объяснение Сергей Сергеевич.

– Я слышала, что сказал князь. С чего бы ему так бояться за меня? – резко перебила я.

– Князь очень любопытен...

Кажется, доктор начал сопротивляться... Нажмём сильнее! Взгляд врача стал совсем стеклянным; теперь он уже был полностью под моим контролем.

– Прошу вас, продолжайте, – мягко попросила я.

– Да, сударыня. Судя по вашему поведению, вы должны быть знатной особой. Князь хочет выяснить, кто именно залетел в его гнёздышко, – быстро проговорил доктор.

– Для чего, Сергей Сергеевич? – вырвалось у меня.

– Скоро приедет сын князя. Он несколько своевольный молодой человек. Князь хочет привязать его к родному дому. Вы очень молоды и привлекательны. И если у вас есть достаточное состояние и титул, вы могли бы стать его женой.

– А если нет? – я всё ещё не до конца понимала намерений князя.

– Любовницей! – доктор произносил слова монотонно, напомним мне самые первые говорящие кибернетические устройства. – В любом случае, князь считает, что с вашей помощью он сможет оказать влияние на своего сына. Сейчас он пытается выяснить, кто вы и откуда.

– Вот как! – на мгновение я задумалась.

Значит сейчас князь старательно собирает информацию обо всём, что касается меня, одновременно раскрывая моё местоположение всем мало-мальски соображающим людям, которым это было бы интересно. Досадно!

– А какова ваша роль? – продолжила я допрос.

– Я должен на время воспрепятствовать тому, чтобы вы что-либо вспомнили.

Я задумалась. Интересный план, правда, немного глупый. Женитьба вряд ли поможет изменить характер испорченного молодого человека, а моя амнезия никак не сможет помочь князю выяснить моё место в обществе. Я посмотрела на доктора. Он сидел, неестественно выпрямившись, словно деревянный чурбан.

– Как долго меня будут держать взаперти? – задала я новый вопрос, пытаюсь отвлечься от мысли о смешной позе врача; положение меня забавляло ещё и потому, что мы с Сергей Сергеевичем поменялись местами – здесь уже я выступала в роли психиатра, а он был пациентом.

– Пока не будет ясно, что вы не сбежите, – оторвал меня от моих мыслей его ответ.

– Когда прибудет сын князя? – прозвучал мой последний вопрос.

– Мы не знаем!

Я отпустила мозг доктора. Его глаза медленно оживали, а поза становилась более естественной.

– Меня вы можете звать просто Еленой, Сергей Серге-

вич, – продолжила я начатый после его прихода разговор именно с того места, которое последним сохранилось в его памяти. – Но сейчас я немного устала и хотела бы побыть в уединении.

– Приятно познакомиться, сударыня, – вежливо произнёс врач, быстро встав со стула и поклонившись. – Я навещу вас чуть позже, когда вы немного придёте в себя.

– Вы так любезны, доктор, – поблагодарила я его.

– Мне кажется, вам нужен отдых, милая барышня, – видимо, после того как я его вежливо выставила, он не нашёл других слов в мой адрес.

– До свидания, Сергей Сергеевич! – попрощалась я.

Меня действительно утомил разговор с ним. Я не привыкла к тому, чтобы держать мозг человека под постоянным контролем, тем более, в течение такого длительного времени. Я села в кресло и расслабилась, дав полную волю потоку мыслей, проносящихся в моей голове.

Он абсолютно ничего не запомнит из нашего разговора. Бедный, бедный доктор... Везде интриги, всё покупается, всё продаётся. Так было во все времена. Долгое время я думала, что мой мир отошёл от этого, но... Михаил Викторович, чего же вам не хватало? Я дала вам всё, о чём только такой человек, как вы, мог мечтать. И что получила взамен? Интриги, предательство, ненависть... То существо, являющееся ко мне во сне... Не знаю, человек ли это? Был ли Он когда-нибудь человеком? Но Он прав! Целиком и полностью

прав. Обида гложет мою душу, она сидит внутри меня, заставляя принимать неверные решения. Моя обида на одного человека может очень дорого обойтись другим людям. Так возникают ссоры, распри, войны... Один человек не выдерживает обиды на другого и обижает третьих... Бесконечная история человеческого несовершенства... Михаил Викторович, зачем, для чего всё это? Ведь вы не сможете управлять системой! Есть нечто, неизвестное вам... Нечто, изменившее бы ваше решение, знай вы это заранее. Скоро вы поймёте, но будет поздно. Скоро вы начнёте лихорадочно искать того, кого изгнали...

К счастью для вас, дражайший Михаил Викторович, наш князь облегчил мой поиск всем... Теперь уже нет смысла блокировать жучок. Уходить отсюда тоже не имеет смысла. Куда я пойду? Мне нужно вернуться домой. Дом, милый дом... Или... Внезапно я поняла, что мой дом уже не казался мне таким привлекательным. Мне больше не хотелось возвращаться туда. Действительно, не хотелось! И обида моя была здесь совершенно ни при чём. Но и оставаться в этом мире не было смысла. Судьба... Наверное, есть нечто, руководящее тем, что происходит вокруг нас. Возможно, мне необходимо было это предательство... Господи! Что я несу!

Воспоминания нахлынули на меня.

* * *

Когда-то, когда я была маленькой девочкой, мир был совсем другим. Я бегала по лугам, пробиралась через непрохо-

димые чаши леса, забредала в болота. Каждое лето я наслаждалась полной свободой... Но начиная с сентября, я училась. Училась всему, что только можно было освоить. Одноклассники меня не понимали. Я казалась им слишком рациональной. А я мечтала знать всё... Я впитывала в себя знания, как губка. Нет, я не была отличницей, я никогда ничего не зубрила, я не знала наизусть определения, я пыталась понять, понять значение того, что учила. Никто не контролировал меня в учёбе, поэтому, наверное, я и стала тем, кем стала.

Позже я увлеклась эзотерикой. Тогда я поняла, что не только точные изыскания науки, но и изыскания души могут дать знание мира. И я объединила эти изыскания. Я переделала весь мир...

Но теперь мир погрузился во тьму... И я могу либо вернуть свет, либо оставить всё как есть. Сейчас именно это и будет моим выбором.

Что же мне делать? Если бы не было предупреждений от странных существ, посещающих меня в моих снах, я могла бы просто выждать, но, по всей видимости, именно на это у меня и не было времени. Хотя... Нет! Выждать я бы не могла, и те странные существа правы. Я запуталась, совсем запуталась. Время сейчас работает против меня. Если я буду выждать... Михаил Викторович! Вы найдёте и уничтожите меня. У вас не будет иного выхода, потому что я никогда не подчинюсь вам... А уничтожив меня, вы уничтожите всё

созданное за долгие-долгие годы, всё так необходимое вам сейчас для того, чтобы потешить своё самолюбие и жажду власти.

Мне нужен источник энергии, а в этой комнате без специальных приспособлений я не смогу ни найти его, ни изготовить, ни применить. Сейчас я бессильна как никогда!

А что, если попробовать выйти отсюда?

* * *

Я постучала в дверь изнутри. Архип тут же открыл её. Скорее всего, ему был дан приказ стоять за моей дверью.

– Да, сударыня? – услужливо поклонился он.

– Можно мне прогуляться? – стараясь выглядеть как можно более наивно, спросила я.

– Я спрошу у князя, барышня.

Архип снова запер дверь.

Примерно через полчаса в комнату вошёл князь.

– Мой слуга сказал мне, что вы хотите подышать свежим воздухом. Я с удовольствием составлю вам компанию.

Мы вышли из дома.

Глава 5. Непредвиденные события

Итак, князь боится, что я могу скрыться в неизвестном направлении. Забавно! Имея такое количество слуг, он мог бы легко найти меня в принадлежащих ему окрестностях. Хотя, может быть, боится он вовсе не того, что не сможет меня найти...

Я украдкой взглянула на нового хозяина, сопровождающего меня и весело рассуждающего о красоте здешних мест. Он был настолько увлечён своей речью, что, казалось, ему было безразлично моё мнение по поводу сказанного. Точнее было бы сказать, конечно, не о безразличии к моему мнению. Скорее, он считал, что юная собеседница должна была целиком и полностью разделять это мнение.

Мы подошли к покрытому ряской пруду, на берегах которого вразброс росли разноцветные ирисы.

– Елена! Взгляните! – князь провёл меня в затенённую вьющимся диким виноградом беседку и указал рукой на открывающийся из неё вид. – Великолепно, правда? Вы знаете, как называются эти цветы?

Я улыбнулась, не дав определённого ответа.

– Конечно, не знаете! – извиняющимся голосом произнёс князь. – Вы же ничего не помните! Это ирисы, – заговорщически сообщил он мне. – Они бывают самых разнообразных оттенков. Мне подарил их семена один мой давний знако-

мый. Они цветут здесь почти целое лето!

Я снова улыбнулась, вполуха слушая его болтовню и думая о своём. Вид из беседки действительно был довольно милым, но сейчас мне очень хотелось побыть в тишине и уединении. При этом если бы мне предложили вернуться в мою запертую на замок комнату, я бы всё же выбрала болтовню князя. Я никак не могла взять в толк, что я могу сделать, чтобы хоть как-то облегчить своё возвращение домой? Я никогда не работала в одиночестве, а сейчас я была одна, абсолютно одна! Я немного отвлеклась, и мой собеседник сразу же это заметил.

– Елена! – наклонившись, он участливо посмотрел мне в глаза. – Вы меня слышите, сударыня? Я не утомил вас своей болтовнёй?

– Что вы, князь! – опустив взгляд и стараясь не встречаться с ним глазами, попыталась я оправдать свою рассеянность. – Я просто немного отвлеклась.

– Может быть, вы хотите вернуться в свои апартаменты? – князь усадил меня на скамью беседки, стараясь сделать всё для того, чтобы я могла немного отдохнуть, если устала.

– Нет! Нет! – непроизвольно вырвалось у меня.

Мой испуганный возглас очень удивил его.

– Нет? Вы не устали?

Князь присел напротив меня, так и не сводя с меня глаз. Мне было очень стыдно за то, что невольно я заставила волноваться этого уже пожилого человека, но одновременно это

возбуждало во мне интерес. С чего бы ему так заботиться о совершенно незнакомом человеке? Хотя... вполне возможно, на этот раз князь заботится не обо мне, а о своём нерадивом сыне.

– Нет! – я постаралась взять себя в руки, слишком много событий произошло за последние дни. – Просто пение птиц... – я запнулась, подумав, что птицы тут явно ни причём, – завораживает! – нашла я.

Я попыталась улыбнуться князю как можно более приветливо.

– Простите мне мою рассеянность! – я подняла полный мольбы взгляд, встретившись, наконец, с его глазами.

Князь не смог устоять и смягчился. Теперь уже он сам первым опустил взгляд.

– Простить вас, сударыня? – глупо улыбнулся он, пытаюсь скрыть смущение. – Общаться с вами – одно удовольствие!

Чувствуя радость от своей маленькой победы, я решила задать интересующий меня вопрос, наведя князя на разговор о его сыне, и одновременно пытаюсь отвлечь его от созерцания моей особы:

– У вас есть дети, князь?

Он с удивлением взглянул на меня.

– Да! Но... странно, что вы спросили...

– Что же тут странного? – не знаю, получилось ли у меня изобразить полную наивность, но, кажется, князь мне поверил.

– Мой сын возвращается этим летом, – улыбнулся князь.

– Значит, у вас есть сын? – я вышла из беседки, чувствуя, что более оставаться там наедине с моим хозяином не стоит.

Князь последовал за мной.

– Да, сударыня! – прозвучал ответ. – Я думаю, нет более внимательного и заботливого сына на всём белом свете! – уверенно продолжил он.

Я вспомнила свой разговор с доктором. “Какая убедительная ложь!” – промелькнула мысль.

– Зная вас, можно быть уверенным в благородстве вашего сына! – отвесила я очередной комплимент.

Меня всё более и более забавляли и привлекали неуклюжие попытки моего хозяина привить мне привязанность к этому месту и его обитателям. Но... кажется, он начинал добиваться своей цели!

– Князь, а сколько лет вашему сыну? – я шла впереди и не видела выражения лица князя.

– Почему вас это интересует, сударыня?

Я поняла, что невольно перешла границы дозволенного.

– Глядя на вас, не подумаешь, что мальчику может быть больше десяти, – попыталась подсластить я пилюлю. – Но, как я поняла из ваших слов, он путешествует один!

– Но я же не говорил, что он путешествует один! – затылком я чувствовала гордую улыбку князя.

– О! – я обернулась. – Мне так показалось.

– Нет, нет, сударыня! Вам правильно показалось! – рас-

смеялся князь. – Мой сын уже взрослый молодой человек. Ему двадцать четыре года!

– Двадцать четыре года! – я постаралась придать голосу неподдельное удивление. – Но... это невозможно! У вас такой взрослый сын!

– Вы мне льстите, сударыня! – лицо князя медленно наливалось краской.

Я отвернулась, чтобы более не смущать этого человека, и пошла по тенистой аллее между белоснежными стволами берёз. Теперь у меня уже не возникало желания оставаться одной. Что-то в князе невольно привлекало меня. И я очень хотела выяснить, что же это?

Придя в себя через несколько минут, князь снова начал описывать красоту здешних мест и просвещать меня в вопросе разнообразия местной флоры...

Как бы мне ни хотелось оставаться вне дома, но, в конце концов, пришло время вернуться в отведённую для меня комнату. И, несмотря на все мои потуги внушить своему хозяину, что я без ума оттого, что попала в его поместье, меня снова заперли.

Делать мне было нечего. Стены давили на меня, не давая возможности сосредоточиться. Я легла на кровать, внимательно рассматривая появившуюся в моё отсутствие картину. Это был портрет статного молодого мужчины. И если художник не приукрашивал, то оригинал должен был быть весьма привлекательным.

Не составляло труда определить, кто был изображён на портрете. Это была точная копия князя, если, конечно, не учитывать морщины, седину и чуть померкший взгляд. Итак, мои хозяева решили приучить меня к образу их сына ещё до его приезда. Как всё это было далеко от меня! И как интриговало! Сейчас я должна была думать не о том, чтобы понравиться хозяевам этого дома, или выйти из заточения. Целью моей должно быть отыскание возможности возвращения в мир, которому я принадлежу.

Я закрыла глаза, и передо мной возникло лицо Марьи Антоновны. Наверное, ей сейчас нелегко. А что было делать бедной подневольной женщине, если таков был приказ её господина? Я вспомнила, как она отводила от меня взгляд в то время, когда вела меня сюда. У неё не хватило сил даже обернуться, чтобы попрощаться со мной! Красный был прав и неправ одновременно. Марья Антоновна не продавала меня, а просто выполняла приказ. Выбора у неё не было. Я улыбнулась. А красный... Почему я называю его красным? Очевидно, его образ очень напоминает Сатану. Но... мне почему-то не хотелось называть его именно так. Его целью, как и целью всех остальных, кто разговаривал со мной в том сне, было выманить меня из этого места, не дать привязаться к нему. И красный немного переврал ситуацию. Я потёрла запястья, вспоминая жгучую боль от его оков. Я понимала, что боль он причинил мне сознательно, но... зачем?

И почему все они говорят со мною загадками? Почему бы

просто не сказать: сделай это или сделай то? Почему бы им самим не переместить меня туда, куда они хотят меня отправить? Я знаю, они могут! Но почему, почему они не хотят просто сделать всё по-своему?

Чем больше я задумывалась об этом, тем больше у меня возникало вопросов...

Внезапно меня посетила весьма интересная идея. Я резко вскочила с кровати и подошла к окну. Как же раньше это не пришло мне в голову! Я оглянулась – необходимо создать имитацию... Ага! Я сняла с кровати простыню и скрутила её в тугой жгут. Коротковато! Я снова начала осматривать комнату. Можно использовать пододеяльник. Уже лучше, но... всё равно они не поверят! Нужно что-то ещё! Моя старая одежда! Я открыла шкаф, разорвала плотную ткань юбки, затем из всех найденных полотен соорудила что-то наподобие длинной верёвки.

Выглянув в окно, я проверила, не может ли кто-нибудь меня увидеть. Под окном никого не было. Солнце уже клонилось к западу и сад, вид на который открывался из моего окна, начал погружаться в сумерки.

Я сбросила вниз свободный конец верёвки, привязав другой к ножке кровати, и снова взглянула вниз. Верёвка болталась примерно в полутора метрах от земли.

Аккуратно подвязав мешающую спуску юбку, я залезла на подоконник и спрыгнула вниз. Поднявшись на ноги, оправив юбку и ещё раз осмотрев созданную мной имитацию побега,

я повернулась и пошла по аллее сада, надеясь на то, что, пока я гуляю, никто не заметит моего отсутствия. Настроение моё резко улучшилась. Я уже почти не шла, а летела. Удивительная лёгкость появилась во всём теле в тот самый момент, когда я почувствовала полную, безграничную свободу. Возможно, чуть позже последствия моей выходки выйдут мне боком, но сейчас... Сейчас я просто наслаждалась тем ощущением безграничной радости, которое пришло ко мне вместе с уверенностью в том, что я смогу покинуть свою темницу в тот самый момент, когда захочу этого. Кругом никого не было. В этой части сада вообще редко кто появлялся. С утра я видела здесь садовника, а больше, по-моему, так никого и не было за весь длинный день, который я провела в этом доме.

Лёгкая прохлада летнего вечера расхолаживала, навевала воспоминания... Сейчас стояли самые длинные дни года. Княжеская чета, как и все домочадцы отдыхали, уже предавшись сну. А у меня появилась куча свободного времени. Я не хотела ложиться спать, памятуя о том, что те, кто пытается руководить моими действиями, могут снова появиться в моих снах. Я ещё слишком хорошо помнила ту физическую боль, которую они причинили мне в ночь знакомства.

Итак, пока хозяева не заметили, что я могу выходить из комнаты, у меня появилась относительная свобода. Я дошла до калитки и, немного подумав, вышла из сада. Теперь я была внутри крепости. То там, то здесь проходили редкие про-

хожие. Окрестное поселение засыпало, а местные полуночники собирались по кабакам.

Незаметно для себя я вышла за ворота крепости и оказалась на дороге, ведущей от моего нового дома к тому самому поселению, где нашли меня Марья Андреевна и Иван Никонорыч. На секунду остановившись возле их дома, я двинулась дальше. Через некоторое время и само поселение скрылось из виду.

Ночь уже полностью опустилась на землю, где-то сердито ухал филин, поджидая запоздалую добычу, вдалеке стонали умирающие деревья. По-видимому, где-то поблизости было болото.

Подойдя к берегу реки, я взяла длинный прутик, села на поваленное дерево и, больше ни о чём не думая, начала рисовать прутиком на спокойной глади воды. Мои рисунки тут же растворялись, не оставляя за собой ни следа. Этот процесс мне что-то напоминал, но я пока никак не могла понять, что...

Сегодня я решила не строить планов. Сегодня я буду просто отдыхать. Отдыхать от постоянно преследующих меня обид, от людей, которые хотят запереть меня, словно я комнатная собачка, от существ, высших, чем я, по разуму, которые, как и все остальные, тоже желают контролировать мои действия; отдыхать даже от себя самой.

Я повернула голову, взглянув на кустарник за своей спиной. За одним из кустов что-то блеснуло. Улыбнувшись, я

мысленно подозвала к себе знакомого волка.

– Тебе тоже не спится? – вслух спросила я его.

Но волк был каким-то странным, не таким, как всегда. Я бы даже сказала, что взгляд его выражал встревоженность и мольбу.

– Что случилось, малыш? – невольно вырвалось у меня.

Я не умею разговаривать с животными, поэтому мне пришлось, как и в прошлый раз быстро проникнуть в его мозг. Сколько внутренней боли было в нём!

Я вскочила на ноги. Волк точно того и ждал. Он помчался вперёд, указывая мне дорогу и иногда останавливаясь, поджидая меня. Так мы бежали около пятнадцати минут пока, наконец, не оказались на залитой лунным светом небольшой полянке. Посреди этой поляны, скуля и облизывая языком лапу, лежала раненая волчица. Подойдя ближе, я быстро сообразила, что именно произошло здесь несколько часов назад. Волчица просто попала в капкан и не смогла выбраться из него. Её друг ушёл на поиски помощи. Где-то подсудно он понимал, что помочь раненой волчице смогу только я. Он искал меня по всему лесу, пока не наткнулся на мои следы в том месте, в котором два дня назад меня потерял. Взяв след, хищник легко нашёл ту, которую искал, и привёл меня сюда. Если бы я не выбралась из своего заточения... Рано утром лесник, проверяя княжеские владения, нашёл бы и убил его подругу, повинную лишь в том, что по природе своей является хищником, как в общем-то и сам лесник, и князь, и все

остальные люди этого мира.

Я подошла к волчице, чтобы снять капкан. Я старалась делать это как можно более аккуратно, чтобы не испугать бедное животное ещё больше, и не причинить ей более сильную боль. Но всё же я не рассчитала своих сил. Когда, наконец, капкан был разомкнут, волчица, взыв от боли, непроизвольно тянула меня за то самое место на запястье, где совсем недавно был страшный ожог от раскалённых цепей красного. Я невольно вскрикнула, схватившись за руку и стараясь не запачкать кровью платье.

– Ну и что мне теперь делать? – вслух спросила я стоящих рядом со мной животных.

Я посмотрела в глаза волчицы.

– Зачем? Я ведь только хотела помочь! – слёзы лились по моему лицу, я уже не могла адекватно воспринимать действительность.

Та тихонько подошла ко мне и лизнула запястье, как бы стараясь вылечить мою рану. От её запоздалой благодарности я немного пришла в себя.

– И что я теперь скажу князю? – закутывая руку в мягкий лист мать-и-мачехи, тихо прошептала я. – Что меня волки в его доме покусали что ли?

Я грустно посмотрела на жожака, тот тихонько завыл. Его подруга только немного поскуливала.

– Ладно уж! Идите! – уже более спокойно обратилась я к ним.

Сейчас у меня начало создаваться впечатление, что эти животные понимают меня. Они последний раз взглянули в моё лицо и, развернувшись, ушли восвояси.

Я снова подошла к берегу реки, аккуратно промыла рану и, найдя несколько подорожников, которые, как я помнила ещё по рассказам бабушки, должны были залечивать раны, не очень надеясь на чудесное исцеление, приложила их к ранам. Если бы сейчас у меня были те приборы, которые мы конструировали для восстановления тканей человеческого организма, когда я работала в корпорации! Но... я отогнула лист подорожника, желая проверить, права ли была бабушка. Нет! Рана всё так же кровоточила, вовсе не желая затягиваться. Я вспомнила, как Он излечил меня. Возможно, сейчас мне нужно обратиться именно к Нему? В конце концов, Он тоже хочет, чтобы я выбралась отсюда!

Я встала на ноги и, прижимая подорожник к запястью, побежала обратно к замку. Селенье, где меня приютили жители Андреевки, полностью погрузилось в сон, и мне удалось пройти его незаметно. Но за воротами крепости кипела ночная жизнь. То тут, то там попадались местные ночные гуляки, изредка встречались запоздалые путники. Я бежала, стараясь не обращать внимания на окружающих меня людей, памятуя о цели своего путешествия и чувствуя, что с каждым шагом силы всё более и более покидают меня. Ну а с того времени, как я вошла в калитку сада, более никто не попался на моём пути.

Подойдя к связанной мною верёвке, я грустно улыбнулась. Когда я бежала из заточения, у меня не было ни одной мысли о том, как же я вернусь назад. Одно дело – прыгнуть вниз, но совсем другое – забраться наверх. До сих пор я не видела ни одного человека, который смог бы без специальных приспособлений запрыгнуть на высоту в десять метров!

Я оторвала от нижнего конца своей чудо-верёвки небольшую полоску ткани и перевязала кровоточащее запястье так туго, чтобы кровотечение остановилось. Затем, подпрыгнув, уцепилась здоровой рукой как можно выше и, подтянувшись, перехватила верёвку другой рукой. У меня возникло чувство, что сейчас моя рука разорвётся. От жгучей боли я чуть было не закричала. Сжав зубы и едва сдерживая крик, я начала подъём.

Одолев подоконник, я упала на пол, стараясь расслабиться, чтобы боль отошла хотя бы чуть-чуть. Слезы непроизвольно заливали моё лицо.

Немного отдышавшись, я поднялась и зажгла свечи. Посмотрев на больную руку, я с ужасом заметила, что кисть посинела. Я быстро начала разматывать повязку. Завязав её слишком крепко, чтобы остановить кровотечение, я сильно перетянула вены. А подъём занял довольно много времени из-за постоянной необходимости отдыхать от резкой мышечной боли, возникающей, когда я пыталась действовать больной рукой.

Немного передохнув, я вытащила из окна самодельный

канат, аккуратно развязала узлы, расправила смятую ткань и застелила постель. Да... Как нужно было спать, чтобы так всё помнить!? Хорошо ещё, если прислуга так вышколена, что не будет задавать лишних вопросов или доносить князю о непонятных явлениях, происходящих ночью в моей комнате. В противном случае, я просто не представляла, как буду объясняться со своими новыми хозяевами.

Я быстро переоделась и легла в постель, перевязав уже более аккуратно изуродованную, но переставшую кровоточить кисть.

На этот раз я постаралась как можно быстрее ввергнуть себя в состояние глубокого сна. Где мне найти Его? Я старалась обозреть всё пространство вокруг, но Его рядом не было, не было нигде, куда бы я могла попасть. Я запаниковала. Что я скажу тем, кто приютил меня в ответ на вопрос, как появился у меня этот свежий шрам в ту ночь, когда я должна была спокойно спать в своей кровати. Я помнила, что люди, живущие в этом веке, верят не только в Бога, но и во всякую сверхъестественную чушь. Я усмехнулась этой мысли. Сверхъестественная чушь, в которую верили люди этого времени, позавчера подвесила меня поджариваться на жарком огне, аккуратно приковав раскалёнными цепями. Да... Как бы не быть, как ведьме, заживо зажаренной на костре на этот раз людьми, хотя... из истории я не могла вспомнить ни одного случая, когда люди этой страны палили других людей. Скорее это характерно для более западных местностей.

Если бы я могла, как Он, даже не прикасаясь к себе, исцелить свои раны! Внезапно ко мне как змея подползла крамольная мысль... Я постаралась её отбросить подальше, но она никак не хотела покидать меня. “Я не БОГ!” – твёрдо сказала я себе, но мысль снова и снова приходила мне в голову...

– Почему? – вдруг услышала я знакомый вкрадчивый голос.

Я оглянулась и улыбнулась, увидев красную физиономию с рогами на голове. Посмотрев под ноги, я с удивлением отметила, что на этот раз я стою на чём-то, напоминающем толстое стекло, под которым всё так же горит жаркое пламя; на этот раз жар не обдавал меня, а от стекла просто исходило тепло. Я села на стекло по-турецки, красный примостился прямо напротив меня. Было смешно смотреть на его выставленные передо мной козлиные копыта.

– Теперь ты узнала меня! – заверил меня он.

– Теперь да! – подтвердила я его подозрения. – Сегодня ты решил не подвешивать меня, как мясо на вертеле? – с издёвкой спросила я его.

– А что, понравилось? – быстро отпарировал красный.

Я лихорадочно пыталась понять, зачем красный призвал меня к себе. Я вспомнила детские сказки, старые легенды... Внезапно меня осенила догадка:

– Ты хочешь забрать меня? – быстро спросила я его.

– А зачем ты мне сдалась? – откровенно удивился крас-

ный. – Хотя... – он осмотрел меня с ног до головы. – На растопку бы ты, наверное, подошла!

– Весело тебе! – я поморщилась.

– Что, больно? – участливо поинтересовался мой собеседник.

– Не больше, чем оттого, что ты сделал со мной в прошлую нашу встречу! – огрызнулась я.

– Обиделась! – сделал вывод красный. – Обидчивая ты очень!

Я снова посмотрела на красную рогатую физиономию.

– Чего тебе нужно от меня? – внезапно даже для себя спросила я его.

– Ничего! – честно признался он. – Мне показалось, тебе одиноко...

– Одиноко, – вздохнула я. – Но я искала не тебя.

– Он не придёт! – заверил меня красный.

– Нет? – видимо, я слишком откровенно показала своё разочарование.

Красный только покачал головой.

– Тебе будет не сильно хорошо, если обитатели дома увидят это, – красный указал на мою рану.

– Ты можешь вылечить меня? – спросила я, глядя на него в упор.

– Ага! – рассмеялся он. – А за это ты отдашь мне свою душу, да?

– Не смешно! – я откровенно начала сердиться.

– Почему? – он выглядел убедительным. – Душа за рану! Лучше бы, конечно, за царапинку... или заусенец...

Я возмущённо вскочила на ноги. Красный смотрел на меня снизу вверх, не подавая никаких признаков испуга. Глаза его были настолько лукавыми, что я рассмеялась, махнув на него рукой и снова села на своё место.

– Что же мне делать? – обречённо спросила я скорее себя, чем его, но, как ни странно, ответил именно он.

– А что ты хотела делать до того, как появился я, но уже после того, как поняла, что Он тебе на этот раз не поможет?

Я с ужасом взглянула на собеседника.

– Я не Бог! – повторила я недавно вырвавшуюся у меня фразу.

– Опять суеверия! Везде суеверия! – горько вздохнул красный. – От тебя я такого не ожидал! – и медленно испарился вместе со своим миром.

– Эй! – крикнула я, впрочем, не рассчитывая на ответ.

Крамольная мысль опять подползла, на этот раз не находя преград. “Искуситель – он и есть искуситель!” – подумалось мне. Хотя, наверное, красный прав! И я подпустила к себе ту самую мысль, которую так долго пыталась отогнать. “Если Он смог, то почему же мне самой не попробовать?” Ведь я достигла всего в своей жизни, лишь опираясь на эту философию. Если это смог сделать кто-либо, то я точно могу это сделать! Нужно вспомнить, что я почувствовала, когда Он прикоснулся ко мне. Я попыталась мысленно вернуться к

тому моменту, когда Он дотронулся до моей головы. Затем я откинула ту приятную негу, которую испытываешь в детстве, когда тебя гладит по голове кто-либо любящий тебя, и полностью провела через себя ещё раз все остальные свои ощущения. Вот оно! На этот раз я не ошиблась. Он действовал именно через меня. Он затянул мои раны с помощью меня же самой. Точнее было бы сказать, что я это сделала сама с Его помощью. Я попробовала повторить Его действия. Всё так просто! И абсолютно никакой необходимости в специальных медицинских приборах. Не надо ни регенерировать ткани, ни восстанавливать кровь... как оказалось, всё это я знала и использовала очень давно, интуитивно угадывая, что и когда мне нужно было делать. Но фактически этот процесс я поняла лишь сейчас.

Я не знала, где Он находится, но, как и в прошлый раз, мысленно поблагодарила Его за те знания, на которые Он натолкнул меня сейчас. И ещё... Я поблагодарила того... другого. Того, кто подтолкнул меня тогда, когда я начала сомневаться, поддаваясь внушённому мне веками религиозному суеверию. И в отличие от Него, красный ответил мне сразу же:

– На здоровье!

Я рассмеялась и проснулась. Настроение у меня было превосходным. И, хотя я понимала, что в скором времени они напомнят мне о необходимости возвращаться, сейчас я ни хотела даже задумываться об этом. Мне было хорошо, легко

и весело, как всегда в те моменты, когда я открывала для себя что-то новое. И больше на данный момент мне было абсолютно ничего не нужно!

Глава 6. Воспоминания о грядущем

Мои домыслы о том, что прислуга сочтёт странным чересчур мягое бельё на моей постели, оказались ошибочными. Но я не учла другого...

На следующее утро сразу после завтрака я вышла на прогулку на этот раз в сопровождении всей княжеской четы. Княгиня Елизавета слегка нервничала, старательно пытаюсь это скрыть.

Как только мы вышли в парк, княгиня задала мне вопрос, который я никак не ожидала услышать от неё:

– Зачем вы порвали своё старое платье, дитя моё?

Я молча смотрела на хозяйку своего нового дома, не зная, что я могу на это ответить. В самом деле, не могла же я рассказать княгине о том, что произошло со мной этой ночью. Княгиня не отрываясь смотрела мне в глаза, пока я не опустила взгляд, начав внимательно рассматривать землю под своими ногами.

– Елена, – снова подала голос хозяйка, увидев, что я не собираюсь отвечать на поставленный ею вопрос. – Если вы полагаете, что мы можем отобрать у вас подаренную вам одежду, то вы ошибаетесь.

Я продолжала изучать почву под своими ногами, уже несколько сожалея, что не приняла шуточного предложения красного и не отдала ему себя вместе со своей душой.

– Елизавета! – вмешался князь. – Оставь девочку в покое! Не стоит смущать её. Ничего странного нет, что этому милочку дитя показалась некомфортной та одежда, которую отдала ей Марья.

Я продолжала молчать, моля Бога лишь о том, чтобы этот разговор поскорее перешёл в другое русло.

– Это милое дитя – уже взрослая девушка! – возразила княгиня. – И она должна уметь отвечать за свои поступки!

Тут я была абсолютно согласна с хозяйкой этих мест. Но... имея в своё время всё, что я могла только захотеть, я совершенно забыла о том, что для Марьи Антоновны порванная мною одежда могла стоить очень больших усилий. Для меня же эта юбка была просто ненужной тряпкой. Нет! Я никогда не смогу объяснить этого здешним людям! Я должна была быть внимательней!

Вероятно, краска залила мне лицо, потому что князь подошёл ко мне и, подняв мою голову за подбородок, ободряюще произнёс:

– Ну, ну! Не нужно так смущаться, милая барышня. Ничего страшного не произошло. Мы отдадим крестьянской семье другую одежду взамен испорченной.

– Но зачем она это сделала? – снова не выдержала княгиня.

– Елизавета! – прикрикнул на жену князь; та сделала лёгкий реверанс и более уже не произносила ни слова за всё время прогулки.

Мне тяжело было смотреть на обиженные взгляды княгини, и я очень быстро, пожаловавшись на усталость, запросилась обратно в дом.

Что-то тут было не так... Конечно, с моей стороны рвать одежду было не очень хорошим поступком, но почему моя хозяйка отреагировала на это настолько болезненно? В конце концов, эта несчастная юбка не должна была стать такой уж большой проблемой...

Я открыла окно и выглянула вниз. Мельком меня посетила мысль, что неплохо было бы прогуляться, но я быстро отбросила её. Не сейчас! Меня томило безделье. Чем же можно было заняться? Возможно, стоит изучить информационной поле этой планеты? Я ведь даже толком не знала, в какое именно место попала...

Я легла на свежестеленную постель и, полностью расслабившись, ввела себя в состояние медитации. Осмотревшись, я поняла, что эта планета явно была Землёй, той самой Землёй, которую я недавно покинула с той лишь разницей, что время пребывания моего сегодняшнего я сильно отличалось от того времени, в котором я была несколько месяцев назад.

Итак, я попала в прошлое, в своё прошлое...

Я снова оглянулась и увидела знакомую, переливающуюся всеми возможными цветами и оттенками и опоясывающую спиралью всю планету, реку, куда, как я всегда полагала, потоком стекается вся собранная сущностями этой планеты информация. Войдя в этот информационный поток,

я с удивлением заметила, что здесь есть кое-что, недоступное мне ранее в моём мире. Собрав неизвестные мне до этого момента сведения, я стала систематизировать их и выявлять причины несоответствий. Каково же было моё удивление, когда я поняла, что прибавленная информация касается прошлого моей планеты! И увеличена она ровно на столько лет, сколько прошло с этих самых пор до того времени, когда жила я. Той же информации, которая была накоплена планетой за то время, которое должно было пройти до моего рождения, как я и ожидала, не было. Раньше я этого не замечала, но, по всей видимости информационное поле Земли либо исчезает со временем, либо переходит в энергии, недоступные моему пониманию, либо... Либо вообще считывается кем-то другим и переносится на другой носитель... Нет! Последнее предположение – полная чушь. Зачем? Но почему-то именно оно казалось мне наиболее реальным. Хотя... возможно сочетание... Например, второго и третьего. То есть информация переходит в другие энергии и записывается на другие носители...

Внезапно я почувствовала, что кто-то резко вырывает меня из потока. Чьи-то руки потянулись ко мне и стали трясти меня за плечи...

– Елена! Елена! Очнитесь! – услышала я голос князя.

Открыв глаза, я почувствовала жуткую головную боль. Выходить из столь глубокого состояния отрешённости нужно так же медленно, как и погружаться в него. Резкий выход

нарушил все процессы в моём организме. Я потёрла виски и, открыв глаза, взглянула на князя. От боли глаза начали слезиться. Выглядела я, наверное, сейчас, мягко говоря, ужасно...

– Елена! Елена! Что с вами? – князь был искренне встревожен. – Архип вошёл в комнату, чтобы пригласить вас к обеду, а вы... Вы лежали здесь, словно мёртвая!

Да... Видимо, я забыла о времени. Поднявшись с помощью князя и сев на постели, я спросила:

– Можно я не пойду на обед?

– Вам не здоровится, сударыня? – вопрос князя прозвучал, как риторический. – Прислуга мне сказала, что ваша постель была запачкана кровью!

Я молча взглянула на князя, лихорадочно ища выход из положения. Значит, всё-таки прислуга докладывает господам обо всём, что происходит в моей комнате. Теперь князь подумает, что я очень больна.

– Я послал за доктором, – сообщил мне хозяин.

– Сергеем Сергеевичем? – вырвалось у меня.

– Да, сударыня! – князь опустился передо мной на колени и, взяв мои руки в свои, спросил: – Может быть, вы хотите, чтобы вам принесли обед сюда.

Я отрицательно покачала головой. Обедать мне не хотелось. Сейчас мне срочно нужно было остаться одной. Болела уже не только голова, ломило всё тело.

– Хорошо! – князь встал. – Доктор придёт примерно че-

рез полчаса. Я оставлю вам колокольчик. Если что понадобится, прислуга вам принесёт. Отдыхайте, сударыня.

С этими словами князь вышел из моей комнаты, и я осталась одна.

Я встала, непроизвольно схватившись руками за голову. Каждое движение причиняло мне боль. Пододвинув за чем-то кресло к окну, я тихо опустилась в него и закрыла глаза. Отключилась я практически моментально.

...Я лежала на чём-то мягком и тёплом. Не хотелось ни двигаться, ни вставать.

– Елена!

Я вздрогнула и быстро поднялась. Боли не было, не было даже воспоминания о боли.

Оглянувшись, я увидела лишь жёлтый песок на берегу моря, покрытого лёгкой рябью. Его рядом не было. Но не мог же мне померещиться Его голос, произносящий моё имя.

– Смотри!

Я оглянулась. Прямо перед моими глазами возникла большая модель атома. Вокруг ядра вращались маленькие электроны. Внезапно один электрон оторвался и сошёл со своей орбиты.

– Что это? – вырвалось у меня.

– Подумай! – мягкий голос успокаивал, позволяя мыслям занять привычное русло.

– Земля! – догадалась я. – Информация, которую я видела! Она отрывается... и уходит вглубь вселенной.

– Нет! – мне показалось, что Он был разочарован моим ответом. – Информация никогда не теряется. Почти никогда... – добавил Он. – Ничто не теряется в этом мире, но существуют некоторые законы... Сейчас ты стоишь перед выбором и лишь только твоё сердце может помочь тебе сделать именно тот выбор, который необходим тебе сегодня!

Внезапно меня осенило:

– Ты боишься, что я сделаю неправильный выбор!

– Нет! – снова возразил Он. – Выбор не может быть неправильным. Выбор – это выбор, каким бы он не был.

– Тогда... у меня появилась возможность? – продолжала угадывать я.

– Это уже ближе к истине! – я почувствовала, что теперь Он остался доволен моим ответом.

Внезапно всё вокруг стало медленно исчезать, и я снова очутилась в мягком кресле перед раскрытым окном.

Я взглянула на полупрозрачные перистые облака, затянувшие небо и грустно произнесла вслух:

– Загадки... Загадки... Зачем всё это? Почему бы прямо не сказать? Господи! – внезапно воскликнула я. – Кого я упрекаю!

– С кем вы говорите, дите моё? – дверь в комнату открылась, и я увидела Сергея Сергеевича.

– Добрый день! – поздоровалась я и, слегка наклонив голову в знак приветствия, ответила на вопрос: – Сама с собой, доктор! Сама с собой...

– Это не очень хороший знак, – улыбнулся врач.

– Да, но... С кем же мне ещё здесь разговаривать? Я всё время одна... – мне не хотелось жаловаться, слова вылетали из моих уст сами собой.

– Елена! – доктор с упрёком покачал головой. – Неужели вы ещё не поняли, что сейчас вам свобода пойдёт только во вред? Сколько времени вы блуждали неведомо где? А сколько времени бы вы ещё блуждали, если бы князь не подобрал вас? Поймите, барышня, всё делается только на пользу вам!

Вздыхнув, я опустила взгляд. Мне нечего было ответить ему. Каждый здесь преследовал свои цели, и доктор не был исключением из этого правила.

– Насколько я знаю, вы ежедневно выходите на свежий воздух, – продолжал Сергей Сергеевич. – Сегодня вы сами запросились обратно в дом.

– Да, всё так! – ответила я только для того, чтобы что-то ответить.

– Елена! – перешёл к делу врач, усадив меня на переставленное кресло и сев на стул рядом со мной. – Князь сказал, что ваша подушка была в крови... У вас этой ночью шла носом кровь?

Мне ничего ни оставалось, как снова опустить глаза. Правду сказать я не могла, а врать... врать я не умела. Доктор покачал головой. Видно было, что Сергей Сергеевич был не на шутку встревожен.

– Что же с вами происходит, девочка? – пробормотал он.

– Я выпишу вам микстуру!

Я удивлённо вскинула брови, невольно посмотрев ему в глаза. Какую микстуру, если он даже не выяснил причину заболевания?

– А сейчас вам следует отдохнуть! – безапелляционно закончил он наш разговор. – Приятного сна!

Доктор вышел, оставив меня в недоумении. Что это, шарлатанство? Какое он может выписать лекарство? И как я могла не заметить, что ночью испачкала кровью постель? Я поглядела на запястье. Ни одного шрама, ни одного следа от вчерашней страшной раны! Ничего, чтобы могло напомнить о случившемся!

– Что-то в последнее время слишком много болезненных событий... – вслух пробормотала я. – Долго ещё судьба будет планомерно причинять мне боль? Может, хватит уже?

Дверь снова открылась, и вошёл Архип, неся на подносе стакан с какой-то неизвестной мне жидкостью.

– Выпейте, сударыня! – вежливо произнёс слуга.

– Что это? – я осторожно взяла в руки стакан.

– Это предписание доктора. Князь велел выпить! – последнюю фразу Архип произнёс так, как будто приказ князя был самым убедительным доводом в пользу того, чтобы я начала травить свой организм.

Немного подумав, я поднесла стакан к губам и медленно выпила содержимое. Вкус у жидкости был отвратительный, но, зная нравы этого времени, я почти была уверена в том,

что если я сама это не выпью, в меня волюют лекарство силой.

– Теперь вам надо поспать! – Архип поставил поднос на подоконник.

Глаза мои начали медленно смыкаться. Кажется, слуга успел поддержать меня, но больше я уже ничего не видела...

...Я шла по дорожке, сотканной из лунного света, по обе стороны от которой сияли яркие звёзды. Однажды я уже была здесь... Давно... Так давно, что не помню, когда... Я шла и боялась оступиться. И так велик был мой страх, что я оступилась, и начала падать в бездонную пропасть, с бесконечной скоростью пролетая меж звёзд, оставляя за собой неизвестные мне скопления светил... Я летела до тех пор, пока не достигла самого центра, того места, где всё началось. Я смотрела в глаза судьбы и вновь наблюдала зарождение сущего. Здесь есть начало... Здесь есть конец... Время вытянулось в длинную прямую нить и замедлилось настолько, чтобы я могла наблюдать, наблюдать настолько ясно и ярко, чтобы понять и не понять одновременно... И тогда в голове моей многоголосным хором прозвучала песнь:

За миллионы лет до мира сотворенья
Возникла из энергий пустоты,
Как будто было свыше повеленье,
Частица малая, предвестница мечты.

Молекул не было, а связь энергий тонких

Ещё не создала у атома ядро.
Жизнь зарождалась в пустотах звонких,
Подобно малой капле. И нутро

Вселенной вдруг заметно всполыхнулось,
И словно ожил механизм часов,
Внутри неё внезапно что-то повернулось,
Возникли атомные связи разных полюсов.

Вокруг протона электрон забегал,
Нейтрон с протоном превратились в ядро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.